

18+

Людмила Волынская

**БАБЬЕ ЛЕТО
ЛЮБИМОЙ ЖЕНЫ**

Людмила Волынская
Бабье лето любимой жены

«Издательские решения»

Волынская Л.

Бабье лето любимой жены / Л. Волынская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559254-5

Лихие 90-е лихо заправляли человеческими судьбами, выбивая из-под ног привычную почву, разбивая прежние взгляды, разрывая ранее прочные связи. Сорокалетней героине романа в полной мере довелось познать тяготы нищеты, боль от предательства мужа и потери родных людей. Вкус к жизни вернуло увлечение молодым человеком, но сложившаяся жизненная ситуация постепенно разрушала слаженность их семейной жизни. Однако ей, окончательно разуверившейся в жизни, судьба все же дала третий шанс.

ISBN 978-5-00-559254-5

© Волынская Л.
© Издательские решения

Содержание

БАБЬЕ ЛЕТО ЛЮБИМОЙ ЖЕНЫ	6
ЧАСТЬ 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Бабье лето любимой жены

Людмила Волынская

© Людмила Волынская, 2022

ISBN 978-5-0055-9254-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАБЬЕ ЛЕТО ЛЮБИМОЙ ЖЕНЫ

Все события и персонажи вымышлены, все совпадения случайны.

И возвращается ветер на круги свои

Библия. Ветхий завет. Книга Екклесиаста

Тонкие невесомые паутинки бабьего лета... Они словно сотканы из ничего и появляются ниоткуда лишь затем, чтобы даровать нежность прикосновения и, беспомощно трепеща под напором ветра, снова исчезнуть в небытие. Чаще всего «бабье лето» ассоциируется с женской надеждой, последним шансом допеть, досказать, долюбить, прежде чем в медленном угасании смолкнуть навсегда.

ЧАСТЬ 1

1

Едва настырное жужжание будильника коснулось уха, рука привычно потянулась к кнопке. Не хотелось выбираться из кокона предрассветных сновидений. «Скоро осень», – всколыхнула гладь блаженной дремы грустная мысль.

Лиза не любила осень, может, потому, что почти все значимые события в ее жизни, начиная с рождения, кончая замужеством, происходили именно осенью. И плохими их вроде не назовешь, скорее – тревожными.

– Просыпайся, – наклонившись, шепнула она на ухо мужу, поцеловав его в теплую щеку.

Приоткрыв глаза, Вадим посмотрел на будильник.

– Куда спешить? Сказал же, подвезу, – зевнув, проворчал он.

Ей почему-то захотелось, чтобы он обнял ее, как когда-то, слегка покусывая мочку уха. И тотчас усовестилась этой мысли. Сороковник на носу, а туда же...

Тем не менее эта мысль окончательно прогнала сонливость. Откинув одеяло, она уже нащупывала ногами шлепанцы, спеша худо-бедно облагородить свой сороковник. Да и на кухне надо было управиться. Привык, что все словно само собой на столе появлялось. «Вот и ладненько, и отвыкать незачем. Мы привычные... за столько-то лет», – такие незатейливые мысли витали по утрам у нее в голове.

За двадцать лет их совместной жизни это уже стало чем-то вроде семейной традиции. Впрочем, с тех пор как Вадим предпочел собственный бизнес работе заводского инженера, завтраки их стали более прозаичны.

Вот и сейчас он заглывал еду наспех, просматривая проспекты, в которых Лиза мало что смыслила. Ощутив на себе ее взгляд, он поднял на нее глаза и спросил:

– Что?

Лиза улыбнулась:

– В последнее время ты перестал замечать, что ешь.

Он ответил со снисходительной улыбкой:

– Главное – вкусно.

– Слишком закрученная у тебя жизнь. Как ты не устаешь? – пожала она плечами.

– Взглянул за гуж, ... сама знаешь, – перевернул он страницу и снова бросил на нее мимо-летный взгляд, – да и тебе, по-моему, грех жаловаться.

Еще бы... За пять лет со дня учреждения ее мужем частной фирмы налаженная работа по продаже и сервисному обслуживанию компьютеров принесла неплохие плоды. Однокомнатную квартиру, которую им, как молодым специалистам, дали по льготной очереди (отчасти, стараниями ее свекра – главного заводского технолога), муж удачно обменял на трехкомнатную с доплатой. Подержанную «копейку» (свадебный подарок ее родителей), он сменил на новенькую «девятку». Жаловаться вроде было не на что. Но неуютно как-то жилось ей в этой квартире. Да и на «девятке» теперь муж все больше сам разъезжал.

Отбросив навязчивые мысли, Лиза задумчиво ответила:

– Не в этом дело. Просто мне кажется, что с каждым годом мы все больше отдаляемся друг от друга.

– Что и вполне естественно, – перелистывая страницу за страницей, подытожил Вадим, – возрастной кризис. А что прикажешь, значки собирать или марки коллекционировать? Так это даже Сереже не интересно. И потом, если я стану изо дня в день мозолить тебе глаза, ты же первая от меня сбежишь.

– Очень остроумно, – наливая кофе, ответила Лиза.

– Конечно, – как ни в чем не бывало согласился Вадим. – Вон как принарядилась, чисто невеста на выданье. Не для любимого ли сына?

Польщенная его вниманием, она кокетливо наклонила голову.

– Не думала, что заметишь.

– Зря, – размешивая сахар, ответил Вадим. – Я замечаю даже, что для меня ты так не стараешься.

Пододвинув к мужу блюдо с тостами, Лиза ответила:

– У меня сегодня просто больше времени. Подвозил бы меня почаще, замечал бы.

– Подвозил бы на работу, ты нашла бы другие причины, – закрыв проспект, ответил муж. – Давай купим тебе машину, я же предлагал.

– Я привыкла.

– В троллейбусной давке. Как рыбки в банке. Все. Нету банки. Выпустили рыбок в речку, и каждая поплыла на свою глубину. Кто-то – на метро, а кто-то – на марседесе.

– Как же нам быть с Сережей? – напомнила она. – Может, вместе встретим его? Я бы отпросилась с работы.

Сегодня возвращался из молодежного лагеря их шестнадцатилетний сын Сережа.

Похоже, там он отнюдь не скучал, за месяц всего-то пару-тройку раз позвонил. Наверное, и их с сыном течение времени отдаляло друг от друга. «Таков удел всех матерей», – понимала Лиза. Сама же она не могла дожидаться встречи с сыном. Тишина и порядок в квартире угнетали, порождая тоскливые думы о приближающейся старости.

– Не знаю, получится ли, – муж оборвал ее радужные надежды, – лучше я выкрою время и сам его встречу. Все равно вечером все соберемся. Часом раньше или позже, какая разница?

Не хотелось опускаться до банальных упреков, но не сдержалась:

– Такое чувство, что тебя там кто-то держит, а не ты сам себе хозяин.

– Деньги, Лизонька, деньги,.... – отхлебнув кофе, искренне ответил Вадим. – Вот кто настоящие хозяева жизни, будь они неладны.

– Ладно, – нехотя согласилась Лиза. – Вечером так вечером, если только он не уснет к твоему возвращению.

– Не уснет, – думая о чем-то своем, ответил Вадим и взглянул на часы, – давай-ка, мать, поторапливайся.

Поставив чашку, он поднялся и направился в переднюю.

– Спускайся, я жду в машине, – открывая дверь, сказал он.

2

До конца рабочего дня оставалось всего каких-то полчаса, но Лиза то и дело поглядывала на часы, торопя время, в предвкушении скорой встречи с сыном.

Внезапно ее светлые мысли прорезал луч тревоги. Семейного ужина не получится. Встретив Сережу, Вадим предупредил, что вернется поздно. Опять дела на работе. Так надоели уже все эти встречи, контракты, кредиты. Да и какие неотложные проблемы надо решать на ночь глядя? Сегодня уж мог бы вернуться пораньше.

Едва раздался телефонный звонок, все ее мысли тотчас перестроились на деловой лад. Лиза сняла трубку. Кто бы мог звонить в конце рабочего дня? У них и на протяжении-то всей недели атмосферу можно было назвать рабочей с большой натяжкой. Некоторые цеха были закрыты. Но бумажной волокиты, тем не менее хватало. Другое дело, что все это выполнялось не спеша, вполсилы.

С нехорошим предчувствием Лиза произнесла: «Плановый отдел», где она и работала.

– Лизонька, ты? – раздался знакомый голос ее приятельницы, Тони. – Я звоню из автомата у остановки. Выйдешь, найди меня, поговорить надо.

– Хорошо, – в замешательстве ответила Лиза.

Вот и весь разговор.

С Антониной они поддерживали приятельские отношения много лет. Она была женой бывшего начальника Вадима, Евгения Павловича. Он был человеком предупредительным и немного заносчивым, что не особо смущало Вадима. Хоть разница в возрасте и социальном положении препятствовала их дружбе, тот при желании мог завоевать симпатию любого нужного ему человека. И обаяния у него для этого хватало, и ума, чтобы не обращать внимания на чужие амбиции. Уйдя с завода, Вадим продолжал поддерживать отношения с бывшим шефом. Встречались они больше семьями: либо на природу – отдохнуть, либо в ресторан – праздник отметить, либо просто к кому-нибудь из них «почаевничать», чтобы приятно провести время.

На автобусной остановке людей собралось немало. Выискивая взглядом Тоню, Лиза услышала ее голос: «Я здесь», затем из-за телефонной будки к ней направилась и сама Тоня.

– Тонечка, здравствуй! – Лиза тотчас повернулась к невысокой женщине, всем своим видом перечекивающей добрую половину своего возраста.

Именно так она и была одета: футболка с красочными надписями через всю грудь, джинсы и стоптанные кроссовки. Да еще и стрижка под «ежик» с удлиненными на затылке волосами. Под стать такому странноватому образу была и ее фамилия -Телогрейко, доставшаяся ей в ЗАГСе от мужа в виде приложения к обручальному кольцу. Но Антонину вполне устраивали и ее фамилия, и ее муж.

Рядом с ней Лиза в крепдешиновой блузке, прямого покроя юбке с уложенными на затылке волосами выглядела, как учительница с ученицей.

– Давай-ка поскорее смотаемся отсюда, – ответила Тоня и тотчас, схватив ее под руку, потащила подальше от остановки.

Когда они быстрым шагом отошли метров на тридцать, Лиза остановилась.

– Что за спешка? – сдерживая нарастающее раздражение, спросила она.

Знакомые прекрасно знали Тонин характер. Он был под стать ее внешнему виду. Ни дать ни взять – прыткий воробышек. Так в шутку и называл ее муж. Как этот воробышек умудрялся вертеть своим великим во всех отношениях Евгением Павловичем, одному Богу было известно. Но вертел ведь, и неплохо вертел. Пожалуй, не было такой силы в мире, которая могла бы испугать эту маленькую женщину. Такая и с самим чертом сразилась бы. Один язык чего стоил. Но никто не осуждал ее за острый язычок, которому по остроте не уступал и ум. Все хорошее, равно как и плохое, неустанным чириканьем вылетало из нее наружу.

Вот и сейчас Тоня не сдержалась:

– Непонятно? – в свою очередь уставилась она на Лизу. – Машину нашу видела? Если Евгений Палыч засечет меня здесь, все! Пиши пропало. Я ему пообещала вчера, что ни-ни. А с ним тоже, знаешь, такие номера не проходят.

– Погоди, – перебила ее Лиза.

В другое время она, может, и послушала бы это чириканье, но сейчас ей не терпелось увидеть сына.

– Поехали к нам, – предложила она, закинув на плечо сумку. – Сережа сегодня приехал. Вадим поздно вернется. Вот и поговорим. У меня еды полон холодильник. Поехали, а? – со слабой надеждой повторила она.

– Нет, Лизонька, – с виноватым видом ответила Тоня, – не знаю, может, зря я это затеяла, – добавила она, нервно вертя большим и средним пальцами левой руки обручальное кольцо.

Все больше раздражаясь этим «топтанием на месте», Лиза нетерпеливо спросила:

– Не пришла бы ты сюда зря. Что случилось?

– У тебя спросить надо, – вырвалось у приятельницы. Взяв себя в руки, она спокойнее добавила: – Вы нам как родные. Ну, что мне делать? Скажу – плохо будет, а не скажу – ничем хорошим все равно не кончится. Мы с Евгений Палычем вчера весь вечер говорили. Я сейчас прямо как на иголках.

– Вижу, – кивнула Лиза. – Теперь уж и я как на иголках по твоей милости. Что случилось, можешь объяснить?

– Нет, сперва ты скажи, как у вас с Вадимом сейчас, нормально?

При упоминании о муже у Лизы неприятно сжалось сердце.

– Что значит, нормально? – нервно поправила она съехавшую с плеча сумку. – Живем, как видишь, и разводиться не собираемся. Значит, нормально.

– Тогда и говорить не о чем.

Заложив руки за спину, Тоня подытожила свои слова резким кивком.

– Спасибо, – с укором сказала Лиза. – Не зря ты это затеяла. И обрадовала, и успокоила.

– А потому, что врать не надо, – бросила с вызовом Антонина.

– А чего ты хотела? В любви друг другу не признаемся, но и ругаться нам вроде не из-за чего.

– И где твой муж сейчас, ты, конечно, тоже знаешь? – въедливо продолжала Тоня.

– На работе, – с напускной уверенностью ответила Лиза.

– А ну пойдика ты сейчас на эту работу, – по-боевому растопырил крылья воробышек. – Что за человек? Ты ей в лицо плюй, а она тебе – божья роса. В ресторане сегодня твой Вадим работать будет, – при этом она вскинула руку и бросила взгляд на часы, – уже, наверно, начал.

Вот сейчас Лиза действительно почувствовала, что плюнули, да не в лицо, а прямо в душу.

– Не впервые. Не все такие подкаблучники, как твой Евгений Палыч, – ввернула-таки она. – Да и надо оно мне?..

Не выдержав, она отвернулась и смахнула с ресниц предательскую слезу. Умела Тоня душу наизнанку вывернуть, что свою, что чужую.

– Так-то лучше, – грустно вздохнул воробышек и снова стал тихим и пушистым. – В том-то и дело, что не впервые. Ладно бы ты меня не знала, могла бы обижаться. Думаешь, выкини мой зять такое, я бы дочери не сказала?

– Да что случилось? – расстроено спросила Лиза. – Если только ресторан, так и пусть. Сама знаешь, как у них сейчас. Хочется людям обсудить дела в приятной компании. Кто себе откажет?

– Не только ресторан, – чирикнул воробышек. – Я тебе говорю затем, чтобы ты была бдительнее. Вчера мой Евгений Палыч к Вадиму зашел, а у него девка какая-то на шее повисла. И красивая, Лиза, заметь. Глаз не оторвать! Он попытался было Вадиму глаза открыть, но Вадим и слушать не стал. Там у них, видно, серьезно закрутилось. Да, ... – с озадаченным видом покачивала головой Тоня, исподволь наблюдая за Лизой, – раз уж Евгений Палыч сказал, значит, так оно и есть. Он у меня не из болтливых, сама знаешь.

Лиза слушала, но слова эти странно, словно издали, понемногу доходили до ее сознания. Теперь уж она не думала о том, как выглядеть да что ответить. Она не представляла, что делать, куда идти. За что ухватиться, в конце концов? Боль мощно придавила ее мысли и чувства. Какое-то время она молча смотрела себе под ноги, потом перевела полный собачьей тоски взгляд на Тоню. Далее взгляд ее устремился вдаль, словно искал там ответ на вопрос – как быть? Отчаянно искал и не находил.

– Лучше все-таки знать правду, – тихо чирикнул воробышек, пытаясь хоть так поддержать несчастную женщину. Сам-то он прекрасно знал, что даже половину этой правды не рискнул открыть. Хотел, но не осмелился. В конце концов, пусть сами разбираются.

– Зачем?... – с болью спросила Лиза.

– Что значит, зачем? – возмутился воробышек. – Ты сейчас не о нем думай. О себе и о сыне подумай. Тебе сохранить семью надо. Любой ценой сохранить.

– Любой ценой, это как? – с болью продолжала Лиза.

– Пусть бесится, рано или поздно, перебесится. Заикнется о разводе, а ты – ни в какую! Девица подождет, да и плюнет. Если уж она Вадима сумела окрутить, точно – не дура. А раз не дура, понимает, что ее года, ее богатство. Увидит, что толку нет, да и отстанет.

– Не до того мне сейчас, Тоня, – невозможная душевную боль, ответила Лиза.

Ей действительно был немил белый свет. Сколько лет она готовила себя к этому, как упорно доводы рассудка возводила на пьедестал. Для чего? Чтобы все это вмиг сожглось обычной ревностью, оставив лишь жалкую горстку пепла.

– Когда станет до того, поздно будет, – настаивала Тоня. – Мы с Евгений Палычем тебя поддержим. На нас всегда можешь рассчитывать. Пусть не думает, что так просто от жены избавиться. Моду они взяли... старых жен менять на молодых. На себя бы сперва посмотрели, – воробышек снова завел свое чириканье, и по одному уже тону можно было понять, насколько сильно его самого это задевает. – Считаешь, Евгений Палыч родился подкаблучником? Знала бы ты, чего мне это стоило.

А ведь и впрямь, немалых усилий стоит удержать при себе такого красавца и умницу, если в тебе росту всего-то метр с кепкой. Знал бы кто, как с этим метром в жизни приходится. Здесь уж никакая кепка не поможет. Здесь рассчитывать можно лишь на то, что под кепкой имеется. И джинсы эти да кроссовки, которые всю жизнь терпеть не могла, таскала она до сих пор, чтобы казаться моложе. И дружбу эту с Вадимом да Лизой именно она своему мужу навязала. Ненавязчиво так навязала. Сама же ее и поддерживала. А все, почему? Да потому, что такой дуры, как Лиза, свет не видывал. А зачем, спрашивается, ум человеку, родившемуся с золотой ложкой во рту? Живи и радуйся. Вздыхал по ней Евгений Палыч, еще как вздыхал. Одно дело – своя приевшаяся говядина, и совсем другое – телятинка, притом, чужая. Вадим тоже видел, но молчал. Тоне же приходилось выбирать из двух зол меньшее – либо на стороне ее ненаглядный погуливать будет, либо у нее на глазах. На глазах спокойнее. Во-первых, какие-то недостатки при тесном общении и сами открываются. Во-вторых, на глазах далеко не загуляет – комплимент бросит, ручку поцелует, глазами разденет, только и всего. Да Лиза и не понимала ничего. Кроме мужа она вообще никого не замечала. Была бы поумнее, себя бы холила. Самой стараться надо, раз природа красотой не наградила, только и того, что не косая да не кривая. Но Тоне это даже на руку было.

Вот так всю жизнь и приспособливалась Тоня – то одну общую с мужем подругу заводила, то другую. В молодые годы ее сознание постоянно подогревалось пламенем жертвенности во имя любви к детям и сохранения семейного очага. Когда же повзрослевшие дети упорхнули из родительского гнезда, для нее этот вопрос встал еще острее – теперь уж и детьми не привяжешь, а внуков еще не было. Останься она теперь одна, шансы вновь создать семью были бы невелики. И она изо всех сил принялась создавать вокруг мужа ореол приятной жизни. Так удачно все шло. Они с мужем успели привязаться к чете Главацких. А сейчас Вадим еще неизвестно какую штучку может привести. Там, чего доброго, и подруги подтянутся. Вчерашняя новость закрутила в ее душе такой карамболь, что ноги сами ее сюда привели. С одной стороны, не терпелось хлестануть любимицу фортуны тем же по тому же месту, с другой стороны, ничто человеческое ей было не чуждо, в том числе и жалость. Жена Евгения Павловича тотчас перешла к прозе жизни.

– Ты хоть знаешь, что они сегодня пятилетие фирмы отмечают? – спросила она, сообразив, что бедняжка ни о чем не догадывалась. – Они в «Чайке» гулять будут. Вадим и Евгений Палыча пригласил.

– Где это? – тщетно пытаясь вспомнить, спросила Лиза.

– В вашем районе возле озера. Вы же там сорокалетие Вадима отмечали, – поспешила напомнить Тоня.

«Да, да, – вспомнила Лиза, – действительно, отмечали». А потом узнали, что отмечать сорокалетие – плохая примета. С тех пор она постоянно пыталась вычеркнуть из памяти и этот факт, и эту дату, словно это могло уберечь Вадима от неведомого зла. И озеро это ей не нравилось. Зловещее, заросшее камышом.

– Вот ты и пойди туда сегодня. Пусть в глаза тебе посмотрит, заодно сама во всем убедишься. А не посмеешь, эта девица посмеет твое место занять, не сомневайся, – вела свое Антонина.

– Легко сказать, – беспомощно ответила Лиза. – Представляешь, как это будет выглядеть?

– Конец света наступит, – бесстрастным тоном отчеканила Тоня.

– И как я это объясню? – не пытаясь сопротивляться, вслух размышляла Лиза.

– А пусть сам объяснит, – Тоня втюхивала правду в голову без пяти минут брошенной жены.

Все еще не допуская мысли, что сможет опуститься до подобных выяснений, Лиза выискивала зацепки.

– А Сережа? – с надеждой спросила она.

– Что ему мамкина юбка? Того и гляди, за другую ухватится. Если еще не ухватился.

– Я подумаю, – безрадостно ответила Лиза. – А сейчас я пойду, ладно?

– Иди, Лизонька, – кивнула Тоня, согрев Лизу теплым взглядом. – Дело, конечно, твое. Только о нашем разговоре – ни-ни. Сама понимаешь.

– Да, да, – безропотно согласилась Лиза.

Даже не взглянув на прощание в Тонину сторону, она побрела по тенистой аллее назад к автобусной остановке. Долго стояла она в одиночестве, потерянная, жалкая, но все такая же женственная. Такой уж сотворила ее природа – без единого изъяна, не наделив особой красотой ни в чем. Она была из того редкого числа женщин, которых страдания преображали, наполняя чем-то возвышенным и светлым. Возможно, это душа, омываясь слезами, отсвечивала неземной красотой.

Тоня смотрела ей вслед. Было немного жаль эту не по годам наивную, но по-своему добрую бедную Лизу. «Ничего, поумнеет, – думала Тоня, – жизнь уму-разуму научит».

3

Постепенно шок от услышанного пошел на убыль, а потом и вовсе исчез, уступив место щемящей тоске. Все-таки многолетняя душевная закалка сделала свое дело.

«Что, собственно, изменилось? Только и того, что подтвердилось предполагаемое», – пытаясь приободриться, убеждала себя Лиза. Но все ее старания были напрасны.

Такой желанной радостной встречи с сыном не получилось. Сережа тотчас заметил ее подавленное настроение.

– Мам, что случилось? – с виноватым видом спросил он. – Извини, что редко звонил. Все же нормально?

По брэнчанию гитары и доносившимся из его комнаты голосам Лиза поняла, что у него и впрямь все нормально.

– Вот еще, – обнимая его, тепло сказала она, – подросток как, загорел.

Отстранившись, она с умилением смотрела на сына. Ей вспомнились Тонины слова. Да, сын вырос, изменился и его мир. Похоже, теперь он не каждого впустит в свою жизнь, разве что разрешит постоять у порога. Лиза провела рукой по светло русым его волосам.

– Устала просто, – ответила она, одарив сына светлой улыбкой.

– Ты всегда так, – недовольно пожал плечами Сережа, – вроде я ребенок, и не смогу понять.

И тотчас доказал, что так оно и было, заведя знакомую песню:

– Мам, мы пойдем, погуляем. Только папе не говори.

– Хорошо, – привычно кивнула Лиза и, подумав, добавила: – Да и я, пожалуй, пройдусь. Сережа так и замер от неожиданности.

– Что-то новенькое, ... – не сводя с нее недоуменного взгляда, покачал он головой.

– Сотрудница приболела, – поспешила успокоить его Лиза, – да ты ее знаешь. Елена Петровна (что было чистой правдой). Все никак не соберусь навестить ее (что было чистой ложью). А ты тоже смотри, не задирайтесь ни с кем, и вообще, по темным углам не слоняйтесь, ... – завела она свою привычную песню.

Но дослушать ее было некому. Сережа знал ее наизусть. Коротко кивнув, он тотчас исчез за дверью к радости заждавшихся друзей. Вскоре стихли их голоса.

Оставшись одна, Лиза ощутила облегчение. Можно было избавиться от невероятного напряжения, можно было сесть и нарветься вволю, можно было... Да ничего не можно было. И плакать совсем не хотелось.

Лиза убрала в Сerezинной комнате, а дальше совершенно нечего было делать. Хоть бери и в самом деле отправляйся к Елене Петровне. Но это было равносильно тому, что по своей воле отправиться в логово гремучих змей. Эту самую Елену Петровну, сплетницу и склочницу, знал весь завод. Не было человека, которого бы она не задела. Да и самой Лизе не раз от нее доставалось. Стоило свекру уйти на пенсию, как в отделе сразу же пошел шепоток об их однокомнатной квартире. Коллеги стали поглядывать на Лизу косо. Когда же с завода уволился Вадим, ей и вовсе житья не стало. Нарочито при ней начинали судачить о бывших партработниках, намекая на ее отца (в прошлом секретаря райкома), обзывая их детей копеечными душами, готовыми за копейку не только партию, но и мать родную продать. Демонстрируя верность партии и презрение к этой самой копейке, перед очередным сокращением начинали они мышиную возню, оговаривая тех, с кем еще вчера дружно осуждали «копеечные души». Замкнувшись в себе, Лиза продолжала работать. Понемногу страсти утихли, но осадок остался.

Чтобы прогнать от себя навязчивые мысли, Лиза решила пройтись. Причем, зачем-то переделась в новый костюм и старательно уложила пышные пепельные завитушки (к справедливой гордости хозяйки и сами завитушки, и их цвет были натуральными). «На всякий случай», – про себя решила она. Хоть, какой такой всякий случай мог очутиться на ее пути, она для себя уточнять не стала, как, собственно, и сам путь. Ей просто хотелось идти, ни о чем не думая, куда глаза глядят.

Какое-то время она действительно шла наобум, ни о чем не думая, ощущая, как накопившаяся в душе чернота понемногу растворялась в вечерней городской суете. Вместе с тем, множество озабоченных своими проблемами людей образовывало вокруг ее души кокон звенящего одиночества.

Зря она поддалась этому искушению. Дав увольнительную своему сознанию, Лиза тотчас попала под влияние его заместителя. Не зря говорят – дай сердцу волю, заведет в неволю. Не одна слезинка и не одна страдавшаяся душа выплетала ее, мудрость народную.

Поздний вечер украсил бархатный шатер золотыми россыпями звезд, когда Лиза очутилась-таки возле этого злосчастного ресторана. Она даже не удивилась, заметив на стоянке знакомую девятку. То ли из-за исходившей от озера сырости, то ли из-за нервного напряжения ее бил легкий озноб. Сердце снова сжалось от боли. Зачем она здесь? Ведь она заранее знала, что не посмеет не только подойти к Вадиму, но даже выйти из-за ствола старой плакучей ивы, за которой зачем-то спряталась. Зачем? Никого поблизости не было. Только из ресторана доносились приглушенные звуки музыки. Разумнее всего было бы развернуться и уйти, но она, как пригвожденная к этому месту, была не в силах пошевелиться.

Меж тем чутким слухом она уловила доносившиеся со стороны озера чьи-то шаги. Страх перехватил дыхание. В этой жутковатой тишине пугал даже стук собственного сердца. Шаги становились все отчетливее, и вот уже она смогла различить приглушенные голоса. Один принадлежал женщине, другой – мужчине, который она узнала бы из сотни голосов. Она панически боялась услышать то, что потом, возможно, не смогла бы забыть, не смогла бы простить ему никогда. Вся во власти отчаяния, она лихорадочно соображала, как ей быть. Сорваться с места и бежать без оглядки! Но было поздно. Вадим и его спутница остановились у ствола развесистого дерева.

– Давай постоим, – нежно проворковал женский голос. – Красота какая. Раньше я ничего этого не замечала. Жила как спала, будто ничего в моей жизни и вовсе не было.

– Но было ведь, – тихо произнес он.

– Всяко было, – вздохнула незнакомка, – только счастья не было. Да лучше и не вспоминать.

– Значит, не будем.

– Я перестала спать по ночам.

– Почему?

– Тебя недостает. Это трудно объяснить, – горячо прошептала женщина.

– Мне тоже.

– Видишь, мы даже чувствуем одинаково. Значит, мы рождены друг для друга,... – послышался ее тихий страстный шепот, затем последовала продолжительная тишина.

– Надо попроситься с ребятами. Пусть еще погуляют, а нам пора, – услышала Лиза его голос, пронизанный такой теплотой и нежностью, что ей взвыть захотелось.

Что на свете всех быстрее?... Человеческая мысль. Юркая, живая, непостижимая, одно-моментно проникая в потаенные уголки памяти, она зачем-то выхватывает и связывает между собой такие разные жизненные моменты. Предчувствуя, что когда-нибудь придется расплачиваться за свое счастье, она заранее пыталась облачить свое сердце в броню. Столько лет память удерживала мельчайшие подробности той ночи, словно только затем, чтобы сегодня закрыть этот гештальт.

К тому времени, как он впервые одарил ее своей нежностью, они были знакомы месяца два. Студенческо-картофельный роман первокурсницы и пятикурсника... Хоть тогда еще в колхозе «на картошке» не было даже намек на роман. Распознавательная система «свой-чужой» (на ней джинсы «Wrangler», на нем – «Levis», у нее косметика «Lancome», у него – сигареты «Kent») просигналила обоим, что стоит присмотреться друг к другу. Трепались о том, что было на слуху – Deep Purple, Pink Floyd, Led Zeppelin, хоть ей больше нравилась «Машина времени» и Стас Намин. Ему был ближе «Жан Кристоф», ей – «Очарованная душа». Ему – «Доктор Живаго», ей – «Поющие в терновнике». Но темы для разговора были найдены, как появился и повод, чтобы, случайно встретившись в институте, поболтать о том о сем. Отец, будучи человеком «самых честных правил», перед тем как выпустить дочь из родительского гнезда, решил убедиться в ее моральной устойчивости и в последний ее учебный год вдруг ослабил поводья. Получилась такая себе доморощенная продвинутая девчонка (оксиморон). А начался их роман... Не приведи Бог никому так начинать романы, у которых нет ни единого шанса на продолжение. Не терпелось ей вкусить вольной жизни, вот и согласилась отпраздновать с бывшей одноклассницей, лучшей подругой Ксаной очередную годовщину революции. Хоть после окончания школы обе поступили в разные институты, но продолжали поддерживать дружеские отношения. Компания подобралась из «своих», других Ксана не признавала. После первого же бокала шампанского она «влилась в коллектив». Гульдыбасили на даче у какого-то Олега. По часто применяемым к нему словам «фарца» и «валюта», она поняла – мальчик этот пользовался у «своих» непререкаемым авторитетом. Пока народ, привычно крича бездумное «ура», с транспарантами и шариками шагал мимо воздвигнутых трибун, у них начинались свои

«пляски на костях» похеренных их отцами идеалов революции. Хоть ничего из ряда вон выходящего там не было. Отрывались под «Сом Together» Леннона, курили план. Девчонки пили шампанское, ребята дули изо всех иностранных бутылок. Было кайфово и весело, пока на нее не положил глаз уже изрядно обдолбанный хозяин дачи. Заметив ее напряг, Ксана шепнула: «Не выпендривайся. Ты у себя королевишна, а здесь твой отец ничего не решает». Для выпендривания у нее не было сил. Праздничная эйфория сменилась отупением. Ужасно болела голова и тошнило. Она так и не поняла, откуда там взялся Вадим, только отчетливо запомнила его слова: «Она моя». Глядя на него влюбленными глазами, она не особо-то и соображала, кому он это говорил. Время от времени выходя из черных провалов, она осознавала, что ее рвало, он вытирал ее чем-то. Что-то она говорила. Потом ощутила его руки, увидела над собой его лицо и вспыхнувший в глазах испуг, словно он никогда не знал девственницы. Может, и не знал. Было неприятно и больно. И безразлично. Хотелось одного, чтобы ее оставили в покое. В очередной раз открыв глаза, она не сразу-то и сообразила, где находится. В нише полукруглого эркера на фоне хмурого блёклого неба темнел разросшийся в кадке гибискус, остальное скрывалось в полумраке незнакомой комнаты. Увидев рядом лежащего Вадима, она вдруг с такой отчетливостью вспомнила все произошедшее накануне, что тотчас отшатнулась от него. Он мягко привлек ее к себе и тихо сказал: «Доброе утро». «Какое доброе, – промелькнуло у нее в голове, – лучше бы не просыпаться». Голова раскалывалась, тело ныло, во рту словно кошки нагадили. «Застолбил малышку?» – тяжело поднявшись с пола, шаря хмурым взглядом вокруг себя, спросил Олег. Захватив с тумбочки пачку сигарет, шаркая, он исчез за дверью. «Откуда ты его знаешь?» – не узнавая собственного голоса, просипела она. «Олега? – прикрывая ее покрывалом, переспросил Вадим. – Однорупник. В прошлом году его выперли». С болью взглянув на него, она спросила: «Зачем ты это сделал?» Удивленный его взгляд говорил о том, что не все события прошлой ночи запечатлелись в ее памяти. «Ты же сама хотела», – отстранившись от нее, недоуменно ответил он. Какой позор... Уткнувшись лицом в его подмышку, она тихо простонала. Дверь открылась, в комнату вошла Ксана. «Одевайся. Петрович приехал. Разнюхал, что мы здесь, – хмуро ворчала она. – Ты тоже поедешь с нами, – обратилась она к Вадиму. – Я за тебя перед ее отцом отдуваться не собираюсь». «Кто такой Петрович?» – поднимаясь, спросил Вадим. Ничуть не смущаясь ее присутствия, он стал не спеша одеваться. «Шофер ее отца», – высматривая что-то через окно, ответила Ксана. Вадим присвистнул. «А кто ее отец? – повернулся он к ней. – Кто твой отец?» «Приедем, узнаешь, – отрезала Ксана таким тоном, словно они ехали на Голгофу. „Далеко ехать?“ – принохиваясь к своему свитеру, спросил Вадим. „Сто километров, испугаться не успеешь“, – ответила подруга. Глядя, как она неловко надевает под покрывалом брюки, Ксана не сдержалась: – „Что ты из себя целку строишь? Чего он там не видел?“ Смерив ту насмешливо-удивленным взглядом, Вадим спросил: „Ты, вообще, кто?“ „Черт с младенцем!“ – ответила Ксана, озабоченно выискивая в складках покрывала ее одежду. Сгорая от стыда, она закрыла лицо руками и замерла. Видя ее состояние, он попросил: „Слушай, мы сейчас выйдем“. Это новое, непривычное понятие „мы“ породило в ней ленивую мысль: „Ничто так не сплачивает людей, как слияние тел“. „Валить отсюда надо, пока хозяин не вернулся. Все разъехались давно, – выходя из комнаты, ответила Ксана, и уже из-за двери донеслось: – Я жду в машине“. Не смея взглянуть на него, она принялась одеваться. Вадим подошел к ней и, положив руки ей на плечи, заглянул в глаза: «Ну, что ты, котенок, ну?.. – подбадривающе произнес он. – Я же здесь». «Не надо с нами ехать, – взмолилась она, – пожалуйста, не надо». Но он оказался непробиваем. «Отдуваться так отдуваться», – беззаботно ответил он. Вместе они вышли в колючее хмурое утро. Ехали молча. Ксана, демонстративно отгородившись от них, села спереди. Подъезжая к дому, навидавшийся всякого, несловоохотливый Петрович скупно сказал: «Отец ждет». Пытаясь прикрыть недовольством обыкновенный страх, бросив короткое «пока», Ксана ушла к себе домой. Отец встретил их с Вадимом у порога. «Как погуляла, доченька? – пронзив ее стальным взглядом, спросил

он и, тотчас указав на ее комнату, обратился к Вадиму: – А вас, молодой человек, попрошу ко мне». Ей хотелось одного – исчезнуть из земного шара, из этой жизни, лишь бы не ждать продолжения. Пытаясь снять напряжение, запершись в ванной, она с панической поспешностью смывала с себя следы вчерашнего веселья, лихорадочно соображая, можно ли что-то исправить, вместе с тем, отчетливо понимая, что исправить уже ничего нельзя. Открыв дверь ее комнаты, отец скупо спросил: «Как он тебе, нравится?» Не смея взглянуть ему в глаза, она скупо ответила: «Да». «Что ж, так тому и быть», – согласился отец. «Папа, почему ты позволил?... Почему не запретил мне?» – вырвалось у нее. Отец впервые с болью посмотрел на нее и впервые не спешил с ответом. Наконец глухо произнес: «Ну, вот, сама поняла. Запрещай не запрещай... Толку от тех запретов. Парень он, по-моему, ничего, правильный». Вадим вошел к ней с невозмутимым видом. «Чего ты боялась, – сказал он, присаживаясь рядом с ней, – обыкновенный любящий отец». «Я объясню ему, – досадуя, что втянула его в свои проблемы, ответила она, – все уладится». «Зачем? – беря ее руки в свои ладони, спросил он. – У нас ведь все к тому шло. Днем раньше, днем позже...» «Мы даже не целовались ни разу», – с детской неуместной непосредственностью произнесла она. «Так рот-то другим был занят», – с улыбкой напомнил он. «Ой, не вспоминай,... о чем ты говорил с отцом?» – пытаясь прочесть в его глазах ответ, спросила она. «Попросил у него твоей руки, – ответил Вадим и, приобняв ее, касаясь губами ее лица, так мягко, нежно спросил: – Ты согласна?» Она утонула, растаяла в его нежности и поняла, что на этом ее вольная жизнь закончилась. Ее передали из рук в руки. Двадцать лет счастья... И вот сейчас все в одночасье рухнуло. Безвозвратно. Изо всей силы она впиалась ногтями в шероховатую кору дерева.

– Почему так рано? – вернул ее в неумолимую реальность женский голос.

– Ты же знаешь, меня ждет сын. Ночь быстро пролетит, завтра увидимся снова.

– А он мне понравился, – кокетливо продолжал женский голос. – На тебя похож. Говорят, лучше, когда сын похож на мать. Наша дочь будет похожа на тебя.

Лиза почувствовала, как земля уходит из-под ног.

«Да, такая не постесняется, – промелькнула шальная мысль, – такая ничего не постесняется. Значит, он поехал встречать сына с любовницей».

От одной мысли о Сереже в ней взревела материнская ревность.

– Пошли, – прошептал Вадим.

– У меня такое чувство, что мы не одни, – перешел на шепот женский голос.

– Правильно, рядом дерево, – добродушно заметил Вадим.

– Ну и что?..

– За ним вполне может кто-нибудь стоять, – рассмеялся он.

Лиза слушала милое воркование и не верила своим ушам. Если бы еще сегодня утром кто-нибудь сказал, что вечером она сможет очутиться в такой нелепой ситуации, она бы ни за что не поверила. Такого даже в фильмах не увидишь – застукать мужа с любовницей, где?! С обратной стороны дерева. Эта мысль, вопреки здравому смыслу, рассмешила ее. Причем, смех нарастал в ней с ужасающей геометрической прогрессией. Со всей силы зажав ладонями рот, она пыталась успокоиться, но это не помогло. Прислонившись к стволу плакучей ивы, она взорвалась волной оглушительного смеха.

Продолжая хохотать, Лиза не сразу заметила, как перед ней показался оторопевший муж, из-за плеча которого выглядывала страдающая бессонницей его любовница. Вадим опомнился первым. Схватив Лизу за плечи, он встряхнул ее, да так, что она зубами щелкнула. Приступ смеха как рукой сняло.

Не сказав ни слова, он взял ее под руку и повел подальше от своей пассивности. До машины они дошли молча. Не собираясь прощаться с ребятами и ждать будущую мать своей дочери, он завел двигатель и сорвался с места. Отъехав от ресторана, он снова обрел дар речи.

– Зачем ты пришла? – спросил он мрачно.

Лизу поразила перемена в его тоне. А ведь когда-то он и с ней так же... тепло и ласково. Ничего не ответив, она только молча вздохнула.

– Зачем ты пришла? – через какое-то время вопрос повторился точно таким же тоном.

Лизе вдруг стало невыносимо тяжело находиться рядом с этим человеком, которого она когда-то так любила. Или все еще любила? Сейчас это было не важно. Она не могла находиться с ним рядом, не могла дышать с ним одним воздухом. Не могла, и все!

– Останови! – крикнула она и, не глядя на него, принялась открывать дверь.

Съехав на обочину, Вадим резко притормозил, тихо бросив при этом:

– Только истерики не хватало.

Открыв дверку машины, Лиза прикрыла глаза рукой и застыла. Понемногу самообладание возвращалось к ней.

– Как ты собираешься с нами жить? – упавшим тоном спросила она.

– Это надо решать прямо сейчас? – донесся его ровный спокойный голос. Словно, ничего не произошло.

– Нет, дома будем решать. Судя по всему, Сережу мы этим не удивим.

– Сережа ни о чем не знает. Я сказал, что подвозил сотрудницу.

Он не спеша повернулся и посмотрел на Лизу. С болью посмотрел, по-человечески.

– Значит, будем решать здесь, – не в силах больше смотреть на него, Лиза отвернулась.

– Как захочешь, так и будет, – тихо ответил он.

Лиза была не в силах проронить ни слова, она даже думать ни о чем не могла.

– Закрой дверь, – нарушил он тишину.

Лиза послушно закрыла дверь. Молчание затянулось. Тишина становилась все тягостнее.

– У тебя с ней серьезно? – решила она задать мучивший ее вопрос.

Не хотелось унижаться, но и делать вид, что ничего не произошло, тоже не было смысла.

Только сейчас она вспомнила, что толком не рассмотрела эту женщину.

– Похоже,... – опустив голову, вздохнул Вадим.

– Сереже этот стресс сейчас ни к чему. Этот год у него решающий. Я не уверена, что он сможет понять, – Лиза говорила тихо, неимоверным усилием воли выдавливая из себя каждое слово.

– Значит, оставим все как есть, – нехотя ответил он.

– А нам? Как же нам с тобой жить? – Лиза посмотрела на мужа, чувствуя, как на глаза навернулись слезы.

– Думаешь, мне так просто ответить на все вопросы?

– У тебя было время над ними подумать.

– Я и думал. Только придумать ничего не смог, – вымученно ответил он, опустив голову.

– Она ждет от тебя ребенка? – с замирающим сердцем спросила Лиза.

– С чего ты взяла? – с недоумением спросил он.

– С ее слов, – изо всех сил пытаюсь сохранять спокойствие, ответила Лиза.

– Нет, – лаконично ответил он, но легче от этого не стало.

– Ты собираешься и дальше с ней,... – Лиза лихорадочно подыскивала нужное слово, – встречаться?

– Ты хочешь, чтобы я солгал? – спросил он, посмотрев на жену измученным опустошенным взглядом.

Не в силах вымолвить ни слова, Лиза отрицательно покачала головой.

– Тогда не требуй от меня ответа. Немедленно, во всяком случае. Ладно, поехали. Сережа, наверное, заждался, – сказал Вадим, заводя двигатель, но трогаться с места не спешил. – Мне жаль, что у нас все так получилось, – добавил он с искренним раскаянием, – я понимаю, как виноват перед тобой.

Больше никто из них не проронил ни слова.

Не дождавшись родителей, уставший с дороги Сережа уснул на заправленной постели. Лиза осторожно укрыла его пледом.

Вадим молча пошел спать, а она, не решаясь лечь с ним, долго сидела у экрана телевизора, блуждая неизвестно где отрешенным взглядом.

Чнет сердца? се твои вопросы? или слезы
е слово
смыслании. озил духом. к любила. ми щелкнула.

Тридцатилетняя Люся Короленко, в девичестве Скворцова – дамочка не робкого десятка, считала, что для достижения намеченной цели ей не хватало самой малости. Вместо того чтобы тащить по жизни вместе с мужем тяготы повседневной жизни, она должна была тащить самого мужа, как выражались ее подруги, интеллигента задрипанного.

Хоть таким его считали не всегда. Всего каких-нибудь пару лет назад он работал журналистом в одной из ведущих областных газет. И был там на хорошем счету.

Сам Юра прекрасно понимал цену своей писанины. Но, с другой стороны, он прекрасно понимал и то, что как ни крути, а по-другому здесь ничего не будет. Потому, что по-другому здесь не может быть никогда!

Как горько он ошибался... Почему горько? Наконец в стране заговорили! Не шептались, не поговаривали, как раньше, а на полную мощность на площадях и митингах, с трибун и просто во весь голос от чистого сердца.

И сотрудники Юры Короленко тоже все, как один, стали в первые ряды борцов за демократию. В отличие от собратьев по перу у него никак не получалось переформатироваться согласно запросам нового времени. Все его материалы на злобу дня пестрели избитыми фразами и затертыми лозунгами. Полагая, что отрешенность от мирской суеты поможет ему создать нечто стоящее, может, и гениальное, он опрометчиво решил «уйти со сцены».

Люся была не против, держа при себе мужа, скорее, для престижа. Она и замуж-то за него вышла по той же причине. Сама она недостатка в кавалерах не имела. Цепкая и смекалистая, она быстро сообразила, что деревенской девушке с неплохими задатками легче всего обратить на себя внимание интересных мужчин там, куда они, собственно, за этим и ходят. Жизнь ее рано уму-разуму научила. Лет четырнадцать ей было, когда вместе с деревенскими девчонками она стала зарабатывать. Соберут, когда грибов, когда ягод, и айда на «шоссейку», продавать. Иногда перепадала какая-никакая копейка. А не продадут, тоже не беда – самим пригодится. Чтобы продать удачнее, она стала хитрить – выходила на дорогу перед поворотом, откуда другим ее не видать было. От хитрости своей и пострадала. Оприходовал ее проезжий хмырь в придорожных кустах и, чтобы слезы почем зря не лила, в лифчик десяточку сунул. Поначалу она малость струхнула, но, пораскинув мозгами, решила лимон превратить в лимонад. От матери деньги прятала. Однажды похвасталась платьем новым, а мать возьми и отдай его Ленке, старшей сестре. Дескать, той не в чем на свиданку ходить, да еще ж и страшная в придачу. Поняла Люся, что в деревне своей, что с платьем этим, что без него, ловить ей нечего, и решила после восьмого класса «в область» податься, документы в педучилище подавать. Документы подала и за свои заработанные приделась там же. Вернувшись домой, узелок с новой одеждой припрятала, а когда через месяц на экзамены ехала, в кустах в новое нарядилась, да там же старье свое оставила. Могла бы на автобусе поехать, но решила попытать удачу. К тому времени она уже поняла, чего от жизни мужикам надо, и быстро определяла, когда голосовать, а с кем лучше не связываться. И дождавшись-таки своего звездного часа, сыграла все как по нотам. Слезу пустила, пуговицы верхние расстегнула (чтобы жалеть сподручнее было), и давай доверчиво так о своем жить-бытье рассказывать. Чисто сирота казанская. Чего ж не пожалеть девчоночку? А там оно как-то уже и само пошло. Только вот когда дошло

до финиша, девчонка опять в слезы: «А-яй-яй! Дяденька, что ж вы наделали, как же мне теперь жить-быть дальше?» А сама на номерок машины поглядывает. Не обнаружив следов «взлома», дядька все же перепугался и предложил чисто по-отечески вину загладить. Год опекал ее взамен на ее «горячую благодарность», пока не подсунили ему по долгу службы опекать дружественную страну. А там она паспорт получила и работать пошла. Самое время было устраивать собственную жизнь. Теперь-то ей зланные места не возбранялись – девушка свободная, самостоятельная, ни в чем дурном не замечена. Пытаясь выделиться из толпы и подчеркнуть свое отдаленное сходство с легендарной Мэрилин Монро, она постоянно обесцвечивала и завивала волосы. Но вот незадача: будучи девушкой неглупой, Люся никак не могла понять, почему интересные мужчины, так приятно щекотавшие ее самолюбие, с легкостью кляня на ее броскую внешность, вскоре срывались с крючка. А молодые казались ей сплошь инфантильными. Понимая, что среди гуляющего контингента принца на белом коне ей не сыскать, Люся перепрофилировалась в «следопыты» и вскоре при не безвозмездной помощи подруги «случайно» сблизилась с вполне себе интеллигентным сверстником Юрой Короленко. Главным его козырем была однокомнатная квартира, которую оставила ему мать. Понимая, что надо ковать железо, пока горячо, Люся не стала дожидаться, пока на квартирку положат глаз вездесущие конкурентки и прикинулась беременной. Впрочем, новоиспеченный муж не особо-то и расстроился, узнав о несостоявшемся отцовстве. Поначалу оба не горели желанием заводить детей, а потом к такой жизни попривыкли. Работала Люся воспитателем в детском саду. Изо дня в день добросовестно выполняя программу-минимум, она тем не менее понимала, что для программы-максимум никакого ее терпения не хватит. Совершенно ж не перед кем выпендриться. К пресной жизни на работе добавилась такая же дома. Муж ее оказался, мягко говоря, никаким. Как его сраные статейки в газете. Вроде интеллигент... Ну и что? Вот сосед из квартиры напротив Вадим Главацкий тоже интеллигент. Инженером когда-то работал. А умудрился-таки соскочить вовремя. Бизнес свой замутил. Что ни говори – интеллигент интеллигенту рознь.

«Что ж, – решила Люся, вспомнив совет Карнеги, – придется снова делать лимонад самой, не то с таким лимоном сладкой жизни до смерти не видать». За неимением стартового капитала, начав с «шоколадно жевательного» бизнеса, Люся быстро перешла к «шмоточному». За полгода ее деятельности благосостояние семьи заметно улучшилось – и сами приоделись, и жилище свое облагородили на новый манер. Появилась возможность начать что-нибудь посолиднее, благо, выбор был огромным, и все это пользовалось спросом у изголодавшихся по красивой и яркой жизни людей, пока еще худо-бедно получавших зарплату. И осваивали челноки мировые просторы, прокладывая новые дороги на запад и на восток, дороги, по которым бесчисленными ручейками стекала в страну новая, неизведанная еще, такая манящая и многообещающая жизнь.

Все бы у Люси Короленко было хорошо, если бы не затянувшаяся проблема с мужем. Становится торгашом муж наотрез отказался, гордо заявляя, что сумеет сам о себе позаботиться. Время шло, а заботиться и о нем, и о себе до сих пор приходилось Люсе. Пусть не интеллигент, ну хоть кто-нибудь, а то ведь пустое место! Окончательно убедившись, что муж ее лузер, удачно вписавшийся в отрезок безвозвратно ушедшего времени, Люся сама принялась его пристраивать. Знала она цену той поговорке, в которой по платью встречают, а по уму провожают. В жизни-то женщину больше по мужу встречали, по мужу и провожали. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, случайно встретившись со своим соседом Вадимом Главацким, Люся тотчас увидела в его лице решение своей проблемы.

Она и прежде не раз пыталась сблизиться с этим семейством. Женщине, как известно, это проще простого. Лишь бы язык был хорошо подвешен, здесь он ее первый друг и помощник. Это потом, когда сделает свое дело, он почему-то врагом становится. Причину зайти по-соседски найти нетрудно – что-то занять, о чем-то спросить. А там и товар свой по дешевке предложить. Верный путь к близкому знакомству. Но здесь Люсю постигла неудачка. Оказалось,

что и сам товар, и его цены не очень-то волновали соседку. Мадам Главацкая, на ее взгляд, не обладала ни ослепительной внешностью, ни остротой ума. Единственным ее достоинством был ее муж. Вывернув неудачку наизнанку и потянув за потайные ниточки, Люся постепенно выудила нужную информацию.

В тот же вечер, явившись к соседям, она принялась рассуждать о трудностях нового времени, свалившихся на головы умных и интеллигентных людей, плавно подводя к тому, кто давно уже ей таковым не казался, а именно к своему мужу. В глазах мадам Главацкой зарделся огонек сочувствия, но господин Главацкий оказался непробиваемым. «Тот еще типчик...» – заметила про себя Люся. Вообще-то, если бы не его чрезмерная сдержанность, он был бы очень даже ничего. «Видно, весь его темперамент в мозги ушел», – думала она. Люся, женщина битая, сходу определив, что здесь, если и откусишь, так шиш выкусишь, не стала зря портить зубы. Поскольку вопрос трудоустройства собственного мужа был для Люси жизненно важным и, поняв, что намеками ничего не добьется, она взяла быка за рога. Как ни странно, это возымело эффект, и не потому, что бык оказался пугливым. Люся с удивлением обнаружила, что простота и искренность вызывали у соседа нормальную человеческую реакцию. Задав несколько ориентировочных вопросов, сосед пообещал по мере возможности помочь.

Прошел месяц, другой, но новостей от соседа не было. Люся к тому времени успела побывать в Турции и решила, что не зря наши люди терпят неудобства и стойко переносят все испытания. С такими темпами, определила она для себя, через годик можно и жилплощадь увеличить, да еще и обставить с шиком. Потому и не стала соседям лишний раз глаза мозолить.

Как-то осенним промозглым вечером, вернувшись домой, Люся заметила на столе початую бутылку коньяка. Стоически выслушав ее нападки в дармоедстве, муж ответил – дескать, угостились с соседом, обсуждая предстоящую работу. Опасаясь конфуза, неряшливая по натуре Люся стрельнула по комнате глазами и облегченно вздохнула.

Сейчас она напоминала Мэрилин Монро «базарного пошиба». Хоть лицо ее все еще сохраняло следы былой привлекательности, выглядела она огрубевшей. Не так растолстевшей, как грузной. Белокурые завитушки Люся обстригла, волосы ее заметно поредели.

– Так че насчет работы-то? – снимая промокшую обувь, спросила Люся.

– Ничего, – донесся из кухни голос ее мужа. – Борщ подогреть?

– Как – ничего? А че же он тогда приходил? – оставляя на полу мокрые следы, направилась она на кухню.

Муж как ни в чем не бывало молча возился у плиты.

– Тебя, что, каждый раз за язык тянуть? – рывкнула Люся, застыв в дверях с мрачным видом. – Да выключи ты этот борщ! Хоть бы поваром пошел, что ли...

– Снова поляну накрывали? – бросив быстрый взгляд на жену, спросил Юра. – Смотри, догуляешься. Скоро ни в одно платье не влезешь.

– Когда мне их надевать? Не с моим везением в платьях разгуливать. Ты мне зубы не заговаривай. Что за работа?

– Предложил на их депутата спичрайтером поработать.

– Что еще за хреновина? – насторожилась Люся.

– Будет народу втюхивать то, что я напишу.

– Ого, – округлила глаза Люся, – и ты согласился?

– Попробую, там видно будет, – без особого энтузиазма ответил Юра. – Сказал, если проявлю себя нормально, потом куда-нибудь пристроят.

– Потом – журавль в небе, – перебила Люся его мысли, – а я тебе синицу в руке предлагаю. Ездил бы лучше в Турцию. Или поговорил бы с Вадимом, пусть подскажет, как открыть что-нибудь свое, вроде его фирмы. Деньги у нас есть.

Юра грустно ухмыльнулся.

– Денег наших для этого как кот заплакал, и потом, в этом разбираться надо.

– Не святые горшки лепят, – с невероятной быстротой поглощая бутерброды, настаивала Люся, – а деньги можно и в кредит взять. Мы их быстро отобьем.

– Кредит кредиту рознь, – все с той же ухмылкой покачал головой Юра, – тебе такие проценты выставят, что только их и будешь обрабатывать.

– Так и другим выставляют, ... – недоуменно заморгала Люся.

– Бывают и беспроцентные, а бывают ... и безвозвратные. Смотри, с какой целью берешь. Короче, везде свои люди нужны. А у нас с тобой таковых не имеется.

– Пессимист ты, – с кислым видом вздохнула Люся. – Люди и сами себе дорогу пробивают. Вот, Вадим из таких. И жена за ним как за стеной.

– А ты знаешь, кто у нее папаша? – Юра смерил жену ироничным взглядом. – Он в районе когда-то шишкой был, секретарем райкома.

– Так-то ведь был, – пожалала она плечами. – Какой он теперь секретарь? Одно слово, пенсионер. Сейчас времена другие. Хоть поживем по-человечески.

– Папаша был, а связи-то остались. Связи, это тот же капитал, только правильно применить надо. Как считаешь, нынешние банкиры, они из каковских?

– Не умничай, – огрызнулась Люся. – Что же, все партийные так прямо в банкиры подались? Мало их на рынке торгует?

– Деревня, ... – добродушно поддел ее Юра. – Думаешь, соседу нашему, зачем в политику лезть, своей работы мало? Или денег не хватает? Ему эти денежки удержать надо.

– Как это, интересно, он их удержит?

– Вот когда все прихватизируют, и народ снова с носом останется, тогда и поймешь, как.

– А тебе от этой агитации может быть польза?

– Да, – коротко кивнул Юра, – как от козла молока.

Люся смерила мужа раздраженным взглядом.

– И умный ты вроде ... Видать, чересчур. Глупые все ищут, как бы заработать, а ты – как бы работу от себя отшить. И то тебе не так, и это, – Люся перевела взгляд на часы. – Надо бы сходить, человека поблагодарить. Как думаешь, не поздно?

– Нужна ему твоя благодарность, – выходя из кухни, бросил Юра.

Люся открыла холодильник. Достав оттуда банки с иностранными наклейками, она взялась перекладывать их в пакет.

– Возьми бутылку коньяка из бара, – не отрываясь от дела, сказала она, – ту, что подо-роже. Пусть знают, что и мы не хуже живем.

Юра с иронией наблюдал, как жена перед зеркалом пытается окутать себя ореолом столь уважаемой ею интеллигентности.

Через десять минут, коротко нажимая на кнопку звонка, подкрашенная и приодетая Люся уже стояла перед квартирой Главацких.

Открыли ей не сразу, хоть она слышала, что в квартире кто-то есть. Встретившись с непривычно жестким взглядом открывшего дверь Сережи, она малость оробела.

– Папа мама есть? – рыская взглядом по сторонам, улыбнулась Люся.

– Да, проходите, – игнорируя ее улыбку, сказал он и тотчас ушел к себе.

Вытягивая по-гусиному шею, Люся нерешительно вошла.

Из спальни выглянул Вадим.

– Здравьете, – по-свойски продолжала Люся, топчась в передней. – Хозяйка дома?

– Здравствуй, Люся. Дома, – Вадим указал взглядом на гостиную.

– А это вам, – с заговорщицким видом Люся протянула соседу пакет.

– Что это? – опешил Вадим.

– Ну, как же, я ведь просила насчет работы, ... – начала было Люся, но Вадим перебил ее:

– Не выдумывай, – поморщился он, и Люся поняла, что настаивать бесполезно.

Не найдя где пристроить злосчастный пакет, Люся заглянула в гостиную. Да тотчас и поняла, что сейчас никому из семьи Главацких нет дела ни до ее пакета, ни до ее проблем.

Сидя на диване и нервно теребя кончик скомканного носового платка, соседка тупо смотрела в одну точку. Медленно повернув голову, она перевела на Люсю затуманенный болью взгляд, словно не понимая, что той надо. Спohватившись, она жалко улыбнулась.

– Здравствуй, Люся, – тихо сказала она, – ты... проходи, присаживайся.

Явно пытаясь скрыть покрасневшие глаза, соседка принялась разглаживать складки диванной накидки.

Видя, что ее визит не ко времени, Люся уж и не знала, как половчее откланяться.

– Пойду я, пожалуй, – тихо сказала она.

– А... ты что-то хотела? – соседка снова вопросительно взглянула на Люсю.

Люся заметила, как та изменилась – осунулась и, казалось, подурнела.

Не успев сообразить с ответом, Люся услышала за спиной голос Вадима:

– Сережа, я ухожу. Завтра я позвоню тебе.

Эти непонятные слова заставили ее повернуться. Открыв дверь, Вадим подхватил два больших дорожных чемодана. Кивнув ей на прощание, он молча переступил порог.

Переводя растерянный взгляд от одной к другому, Люся силилась хоть что-нибудь понять.

Лиза была как натянутая струна, в глазах ее отразился неподдельный ужас. Не в силах вымолвить ни слова, она смотрела вслед уходящему мужу.

Люся поняла, что в семье произошло не просто разногласие, а настоящий разрыв.

Но Лиза тотчас поспешила разубедить соседку:

– Вадим в командировку уезжает, – судорожно вздохнув, тихо сказала она.

Видно, в этой семье было не принято выносить сор из избы.

Люся часто закивала в ответ.

– Я как-нибудь в другой раз найду, – ретируясь, сказала она и тотчас юркнула в дверной проем. Никто ее не окликнул, не остановил.

Оказавшись в своей квартире, Люся, наконец, вздохнула. Заметив зажатый в руке злосчастный этот пакет, она грустно ухмыльнулась.

– Чего так быстро? – донеслось из комнаты. – Обычно по часу сидишь, словно там медом намазано.

Удобно устроившись в постели, Юра смотрел телевизор.

– Не до посиделок там сегодня, – раздеваясь, вздохнула Люся, – что-то у них стряслось.

Лиза говорит, муж в командировку уезжает.

– Тоже мне, трагедия, – хмыкнул Юра.

– И я о том же. Какая командировка? Так только на кладбище провожают.

– Он сегодня вроде спокойный был.

– Такой человек, – раздеваясь, сказала Люся. – Ты его хоть пополам режь, он все равно как удав будет.

– Не скажи, – поджав губы, задумчиво протянул Юра, – может, там у них жареным пахло.

– Это как? – Люся тотчас повернулась к мужу.

– Да как... конкуренция. Чего ж тут непонятного? Это раньше жизнь у них была сплошь киношная, правильная. А теперь всем места под солнцем не хватает, вот и съедают друг друга.

– Ну и при чем здесь это?

– А я знаю, при чем? У них у всех рыльце в пушку. Вот и разыгрывают страсти с разводами да разделами, чтобы, в случае чего, у разбитого корыта не остаться.

Люся задумалась.

– Как-то у тебя все запутанно получается, – с сомнением покачала она головой. – Такое не разыграешь. Глаза у нее были заплаканные. Она же не знала, что я приду.

Окинув взглядом комнату и прижавшись к мужу, она мечтательно сказала:

– Все-таки у нас лучше, пусть и беднее. Вот еще квартиру на двушку обменяем, и тогда жить можно. Главное, со спокойной совестью, – излив душу, Люся зевнула.

А дождь все проливал за окном осенние слезы. Нравилось ей засыпать под шум дождя, прислушиваясь к его монотонной дробу. Дома в мягкой постели было тепло и уютно. Она засыпала, а ветер неустанно пел свою заунывную песню.

5

Ольга Борисовна и Владислав Иванович Главацкие с ужином припозднились. Настроение у обоих было неважное, разговор не клеился.

Оба были не первый год на пенсии, но с наступлением осеннего дождливого сезона у Ольги Борисовны обычно начиналась хандра. «Это от не востребоваемости, от того, что некому передать годами отточенный опыт», – объясняла она мужу. На самом же деле Ольга Борисовна панически боялась стареть. Тоскливые краски поздней осени этот страх лишь усиливали. Пару месяцев назад в одной из частных клиник ей удалось заполучить место врача-консультанта с довольно скромным окладом. И все было бы хорошо, если бы не возникший конфликт с дочерью.

Владислав Иванович со своим новым положением смирился безропотно и быстро. Ничего другого ему не оставалось. В перестроечное время у них на заводе проводилось расследование по вопросу хищения социалистической собственности. Хоть обнаруженные огрехи не дотягивали до столь серьезного обвинения, крови им попили немало. То ли Владислав Иванович знал больше, то ли боялся, что могут копнуть глубже, но у бедняги вследствие этого случился инфаркт. Поговаривали, что на самом деле никакого инфаркта не было, просто жена врач, вот и договорилась со своими. Как известно, слово к делу не пришьешь, и какое-то время Владислав Иванович мог быть спокоен за свою дальнейшую судьбу. А там и пенсионный возраст подоспел. Бывший главный технолог, наконец, спокойно вздохнул и задумался о философском аспекте жизни. Сына и дочь он воспитал и в люди вывел, теперь можно было построить дом и посадить сад. Перестроечная шумиха к тому времени поутихла, и с помощью свата он отгрохал домину с размахом. Так как для настоящего сада земли показалось маловато, он купил соседние шесть соток. Фактически находившийся на территории дачного массива, дом супругов Главацких переплюнул соседние деревенские особняки. Оставив дочери Кристине в качестве свадебного подарка обжитую трехкомнатную квартиру, Ольга Борисовна и Владислав Иванович переселились поближе к природе. Два года, встречаясь с детьми от случая к случаю, они жили довольно мирно. И вот сейчас, когда Ольга Борисовна снова обрела былую уверенность, доченька решила сплавить на нее двухлетнего сына. Ольга Борисовна справедливо возмутилась. Сами они детей растили без посторонней помощи, к тому же совмещая с ответственной работой. А молодым все подавай в готовом виде. Правда, при этом Ольга Борисовна упустила или за давностью лет позабыла, что ей-то воспитывать детей помогал муж. А вот зять этим нисколько не отягощался, тоже в какой-то мере справедливо полагая, что трехкомнатной квартирой сыт не будешь. А время нынче такое, что, сидя на одном месте, много не заработаешь. Как говорится, волка ноги кормят. Да и Кристине, считал он, нечего у него на шее сидеть, имея родителей-пенсионеров.

Ольга Борисовна изо всех сил пыталась отстоять свое право оставаться женщиной. Остальные права, которые дарует женщине жизнь, ее угнетали. С этой целью она даже невестку Лизу поставила дочери в пример. Кристина разобиделась, наговорив матери лишнего. Ольга Борисовна тоже в долгу не осталась.

Сейчас муж и жена ужинали в своей большой гостиной-столовой, старательно огибая большую тему. Ужинать молча они не привыкли, поэтому подспудное напряжение вынуждало их выискивать отстраненные темы для разговора.

Выслушав от мужа последние деревенские новости, которые ему обычно рассказывала соседка молочница, Ольга Борисовна с сожалением подумала, до чего же изменился за последнее время ее муж. Весь его прежний лоск полинял и облез от этой ежедневной возни в огороде да общения с деревенской простотой, от которой пахло коровами и навозом. И вдруг она с ужасом представила, какая жизнь ждет ее с мужем и маленьким внуком в этой деревне. И так изо дня в день до самой смерти! Дальше мыслей подобного рода ее нервы не выдержали, и она заговорила о том, как ее ценят молодые специалисты. При этом на ее губах заиграла легкая улыбка. Правильные черты лица ее не утратили былой привлекательности, еле тронутые сединой волосы были аккуратно уложены. На замечание мужа о том, что в частных клиниках должны работать люди с солидным багажом опыта, Ольга Борисовна ответила, что знает она там многих и со стажем, и с багажом. Но с молодыми работать приятнее: у них изначально иной подход к работе, они внимательны, тактичны, да и жизненный кругозор у них гораздо обширнее.

Для Владислава Ивановича сложившаяся ситуация была ясна как дважды два. Но он даже в молодости не устраивал ей сцен ревности, а сейчас это и вовсе было ни к чему. Так уж получилось, что судьба щедро наградила его жену яркой красотой. Но эта красота отнюдь не лишила ее здравого ума, да и порядочности, что тоже было немаловажно. Поэтому он не видел трагедии в том, что ей хотелось отсрочить свое увядание пусть даже таким способом, другого-то все равно не было. Он, скорее, радовался тому, что свою неумную энергию жена направляла в другое русло. Всю жизнь он работал как заведенный на импортную мебель, на престижную машину, на эту, походившую на огромный склеп, домину. Однако, жене постоянно доставало его солидной зарплаты, которую он отдавал ей всю до копейки. Благо, с завода нечего было умыкнуть, так как запчасти самолета реализовать было попросту невозможно. После перенесенного инфаркта он совсем пал духом, и сейчас лишь эта необременительная возня в саду придавала ему сил и смысла в жизни.

Внезапно с улицы донесся шум подъезжающего автомобиля. Супруги переглянулись. Раньше такого не случалось. Друзья и дети без предупреждения не приезжали. Да и кому захочется ехать в такое ненастье? Но автомобиль, подсвечивая фарами, остановился перед воротами.

Нехотя встав из-за стола, Владислав Иванович сунул ноги в калоши и, захватив зонт и фонарь, пошел к воротам. Свет фар мешал разглядеть номер. Подойдя поближе, Владислав Иванович, к своему изумлению, узнал машину Вадима. Отворив массивные ворота и, подождав, пока сын заедет во двор, он закрыл их.

Из вольера донеслось грозное рычание Рембо, молодого добермана, которого дети подарили им на новоселье.

– Свои, Рембо, свои, – выйдя из машины, Вадим подошел к вольеру.

Грозное рычание тотчас сменилось приветливым повизгиванием, да и то вскоре стихло. Пес поспешил укрыться от промозглого холода в теплой конуре.

Прильнув к окну, Ольга Борисовна тоже увидела, что приехал Вадим, и в душу закралось нехорошее предчувствие. Когда же он достал из машины два больших чемодана, предчувствие усилилось. Что-то подсказывало ей, что приезд сына грозит нарушить комфорт ее устоявшейся размеренной жизни. Она не пошла навстречу сыну, а продолжала стоять у окна, кутаясь в свой пушистый серый платок.

Из коридора доносился голос мужа:

– Раздевайся, Вадик. Я плащ развешу здесь, пусть просохнет. Оставь ты эти чемоданы, проходи в столовую, мама там.

Лишь только когда Вадим вошел в столовую, она, окинув его быстрым взглядом, с тревогой спросила:

– Что случилось, Вадик, почему ты приехал?

– Ничего не случилось, – просто ответил Вадим и, кивком указав на камин, добавил: – Холодно здесь у вас.

– Не хочется топить для двоих, лишний раз золу выгрести, – объяснил Владислав Иванович, входя следом за сыном. – Я сейчас газовый прикачу. Теплее будет. Я и баллон новый недавно поставил. Садись, Вадик. Мы с мамой ужинаем, и ты с нами, – с этими словами он скрылся в коридоре.

Вадим только сейчас ощутил чувство голода, но голос матери остановил его:

– Да мне уже, пожалуй, не до ужина. Если ничего не случилось, почему ты сейчас не дома? – спросила она, этими словами ограждаясь от сына.

– Я поживу у вас какое-то время, – отодвинув стул, Вадим тяжело на него опустился.

– Почему? – все тем же тоном продолжала мать.

– Нам с Лизой надо побыть немного врозь, – глядя сквозь мать отсутствующим взглядом, ответил Вадим.

– Это не ответ. Почему? – мать, что называется, вошла в образ.

– Если бы я знал ответ, я бы сейчас не приехал, – тем же спокойным выдержанным тоном продолжал сын. – Это случается в каждой семье.

– У нас с отцом такого не случалось, – холодно ответила мать, продолжая стоять у окна. Владислав Иванович вкатил в столовую газовый камин.

– Оля, почему ты не садишься? Все остынет, – при этом он перевел взгляд на сына, – Вадик, чего ты ждешь?

– Ты послушай его, – обратилась к мужу со своего места Ольга Борисовна, – думаю, и у тебя аппетит пропадет. Наш сын ушел из семьи, – в неприятные минуты Ольга Борисовна всегда так говорила – наш сын, наша дочь.

– Давайте поедим, а поговорить успеется, – сел за стол отец.

Взяв тарелку и ложку, Вадим сел рядом и, не дожидаясь, пока мать соизволит сделать то же, принялся накладывать себе кашу.

Ольге Борисовне ничего не оставалось, как присоединиться к ним. Какое-то время они ели молча, но по мере насыщения отец первым затронул болезненную тему:

– Так что же у вас все-таки стряслось?

– Иногда людям бывает сложно находиться вместе, и это постоянное раздражение мешает разобраться в себе, ... – бросив в тарелку скомканную салфетку, начал Вадим.

– И как отнесся к этому Сережа? – перебила мать.

– Я не считаю, что должен спрашивать разрешения у сына.

– Ты должен был поинтересоваться его мнением, – менторским тоном изрекла мать. – Вряд ли ты добился бы в жизни чего-нибудь, начни мы с отцом разбираться в своих чувствах да бегать друг от друга.

Вадима так и подмывало ответить, что этого не случилось лишь из-за постоянных уступок отца.

– погоди, мать, – остановил ее обвинительную речь отец, – не всегда в жизни получается, как хочется. Ребенку тоже не все объяснишь. Пусть поживет, раз ему нужно. Не в гостиницу же ему идти?

– Ты уж совсем из меня монстра сделал, – недовольно пожала плечами мать, – я что, по твоему, враг своему сыну? Конечно, пусть живет, – смягчилась она и продолжила: – Сережа не такой уж и ребенок. Но он не может повлиять на вас, а вынужден молча ждать, пока вы между собой разберетесь. Мы по-разному воспринимаем это, – она одарила сына грустной

улыбкой. – Не зря говорят – первый ребенок, это последняя игрушка, а первый внук, это первый ребенок.

Вадим смотрел на мать и не понимал, как отец столько лет изо дня в день мог терпеть этот официоз. Почему так в жизни бывает? Один и тот же человек может быть незаменим на работе и отстраняется, когда дело касается его собственной семьи. Слова матери вывели его из состояния мрачной задумчивости:

– Я приготовлю тебе комнату наверху. Рядом с нашей, ладно? – поднимаясь, вежливо, да, именно вежливо спросила она.

– Как скажешь, – вяло пожал он плечами.

– Хорошо, я только постель заправлю и камин включу. Чемоданы оставь внизу, завтра после работы я сама разберусь с твоей одеждой. Да и вы здесь не засиживайтесь.

Оставив своих мужчин внизу, Ольга Борисовна поднялась наверх.

Заправить постель и включить камин было делом десяти минут, но спускаться сейчас Ольга Борисовна не собиралась. Понимая, что от Вадима откровенности не добьется, она решила позвонить невестке. Надо же хоть приблизительно знать, что там у них произошло, и уже выходя из этого выстраивать с сыном дальнейшие отношения. Ольга Борисовна уважала сына прежде всего за то, что он почти не беспокоил родителей своими проблемами, в отличие от дочери. И сам сумел обеспечить своей семье достойную жизнь. Сейчас же мать переживала, как бы эта жизнь не обернулась для него катастрофой. Хоть к невестке у нее по большому счету претензий не было, но и нежных чувств к Лизе она тоже не питала. Спроси у нее кто-нибудь, за что, Ольга Борисовна, несомненно, смогла бы нарыть в памяти пару-тройку неприятных моментов. Даже самой себе она не рискнула бы признаться, что дело-то было не столько в самой невестке, сколько в материальной зависимости от ее отца. Хоть самого Арсения Ивановича она искренне уважала, да и ничего не имела против его жены, Татьяны Васильевны. Та была женщиной тактичной и обходительной, у нее хватало ума никогда не показывать его полностью, благоразумно держась в тени своего мужа. Невестка же с виду – тишь да гладь, но Ольга Борисовна ее быстро раскусила – внутри чувствовался отцовский стержень. Такой и не захочешь, так поклонись. А за что ей кланяться? Вот отцу ее – с дорогой душой. Благодаря его стараниям этот дом обошелся им гораздо дешевле, чем предполагалось. Но платили-то они за все из своего кармана. И тоже мозгами шевелить пришлось, потому что в кармане-то было негусто, – тотчас своим расчетливым женским умом принялась она возводить предполагаемую защиту, – к тому же невестка с сыном не один год неплохо у них жили. Правда это «неплохо» в основном обеспечивалось все с того же партийного плеча, да так, что всему семейству с лихвой хватало. Зато стараниями ее мужа дети получили свою первую однокомнатную квартиру. Конечно, в бизнесе Вадиму снова помог тесть и советами, и связями, и деньгами. Но Вадим не только вернул долги, но и в дальнейшем оправдал ожидания тестя, это тоже надо учитывать.

Прикинув, что в худшем случае они худо-бедно смогут отбить возможные претензии и, понимая, что муж с сыном не задержатся внизу надолго, Ольга Борисовна решила воспользоваться моментом. Трубку поднял внук. Услышав его голос, Ольга Борисовна растерялась, до такой степени он изменился. В последний раз она видела внука в марте, в день его шестнадцатилетия.

– Здравствуй, Сережа, – привычно начала она, – это бабушка. Узнал?

– Да, – не сразу ответил Сережа.

– Как вы живы-здоровы? – завела издалека Ольга Борисовна. – Как успехи в учебе?

– Нормально, – вяло, словно нехотя отвечал внук.

– Не подведи, – Ольга Борисовна намекала на золотую медаль, которую ему прочили в школе.

В трубке послышался тяжелый вздох.

– Может, я маму позову? – спросил Сережа, задев самолюбие Ольги Борисовны, тотчас позабывшей о своем сочувствии внуку.

– Что ж, позови, – не сочла она нужным скрывать обиду.

Сережа прекрасно понимал, что отнюдь не желание поговорить о его учебе побудило бабушку позвонить им в столь поздний час. «Значит, отец там», – подумал мальчик, и от сердца немного отлегло. И вовсе не желание ее обидеть, а желание поскорее узнать, чем это закончится, послужило причиной такого ответа.

Когда в трубке прозвучало знакомое «алло», Ольга Борисовна была уже во всеоружии.

– Здравствуй, Лиза, это Ольга Борисовна, – пытаясь подавить невестку, с холодной вежливостью сказала она. Не дав той возможности ответить, она тотчас перешла к делу: – Можешь мне объяснить, что там у вас произошло?

Какое-то время из трубки не доносилось ни звука, потом невестка произнесла упавшим голосом: «Значит, он у вас», чем привела Ольгу Борисовну в замешательство. Она приготовилась нападать, а сейчас, получалось, должна была объяснять.

– А где же ему еще быть? – продолжая выдерживать взятый тон, ответила Ольга Борисовна.

– Что же вы у меня спрашиваете? – донеслось в ответ неприветливо. – Вот у него и спросите.

– Я не к посторонней девице, а к его жене звоню, – в ее официальном тоне сквозили нотки раздражения.

– Так он и вам не посторонний, – озлобленно, недобро ответила Лиза. – Заодно и о посторонней девице расспросите.

– Ты намекаешь на то, что у Вадима есть любовница?... – оскорбленному материнскому чувству не было предела.

– Я ни на что не намекаю, – бросили устало в ответ. – Я его, во всяком случае, из дому не выгоняла.

Ольга Борисовна задумалась. Что-то в этом роде она и предполагала.

– Ладно, – более миролюбиво продолжила она, – давай-ка мы с тобой не будем опережать события. Я понимаю, тебе сейчас нелегко, но я тебя ни в чем и не обвиняю. Я никогда не вмешивалась в ваши отношения и всегда относилась к тебе хорошо. Уж в этом ты не можешь меня упрекнуть, – после этих слов она намеренно сделала паузу. Но слов благодарности в ответ не последовало, и Ольга Борисовна закончила так же, как и начала: – Что ж, разберемся сами, раз ты не хочешь мне помочь.

– Спокойной ночи, – последовало в ответ.

«Да какая уж тут спокойная?» – тяжело вздохнула Ольга Борисовна, положив трубку. А задуматься и впрямь было над чем. Пламенные, нет ли, но материнские чувства ей были присущи. Она, как и всякая нормальная мать, желала своим детям добра и только радовалась, когда в их жизни было все благополучно. Амурные увлечения Ольга Борисовна воспринимала как нечто неизбежное, но непродолжительное (вроде насморка), и считала, что сыну как раз не мешало бы время от времени «выпускать пар», а не жить образцово-показательным памятником при строгом тесте и до глупости наивной жене. Тогда и не случилось бы этого. Возможно, невестка что-то услышала или увидела, а что-то и домыслила. Чтобы муж ушел из дому, вовсе необязательно его выгонять, достаточно закатить ему хороший скандал. Но если до сих пор у них обходилось без подобных эксцессов, значит, и сейчас обойдется. «Тем не менее, – решила про себя Ольга Борисовна, – надо будет вызвать Вадима на откровенный разговор». Всякое в жизни случается. Но распада семьи ни в коем случае допустить нельзя. Дойди дело до развода, еще неизвестно, какой счет выставит сыну тесть, да и невестка может фортель выкинуть. Не зря говорят: «Ломать – не строить». Что же там за пигалица у него объявилась? Коль уж из-за нее такой сыр-бор разгорелся, еще, чего доброго, сына по миру пустит. Надо

во что бы то ни стало вернуть его в семью. В конце концов, у него есть ответственность перед собственным сыном. И только сейчас Ольга Борисовна подумала о мальчике и о том, как он привязан и к отцу, и к матери. А ведь, действительно, для ребенка это трагедия. Такие вот мысли ложились тяжким бременем на сердце Ольги Борисовны, упорно прогоняя ее сон.

Не мог уснуть на новом месте и Вадим. Ему так и не удалось разобраться в том, что творилось в его душе. Сплошная сумятица чувств. До сих пор с ним такого не случалось. Разве он не любил жену? Любил, во всяком случае, до сих пор ему так казалось. Хоть Лиза и была в свое время завидной невестой, с его стороны не было расчета в их отношениях. Познакомились они в колхозе на картошке. Лиза тогда была первокурсницей, а этот его учебный год был последним. Стильная симпатичная девчонка – ни прибавить, ни отнять. Впервые он заприметил ее в местном клубе, где они собирались по вечерам после трудовых будней. Не выказывая явно, она со снисходительной улыбкой воспринимала студенческое веселье, разбавленное дешевым портвейном, сигаретным дымом и плоскими шутками. В ней не было ни зажатости, ни апломба. Самоуверенность ее была столь добродушной, что никто из галдящей студенческой стаи не рискнул выставить ее белой вороной. Поначалу она и его восприняла все с той же добродушной снисходительностью, чем только подстегнула его интерес. Может, и завязалась бы между ними легкая интрижка, может, переросла бы во что-то большее, если бы не та ночь... Он так и не понял, почему эта девчонка так втрескалась в него? Была бы трезвой, не поверил бы, но, как известно, что у трезвого на уме... К тому же она оказалась сущим ребенком, такой трогательной и доверчивой. Как не влюбиться в такую? Оба были молоды и беспечны. Тогда с милым рай был в шалаше, если он и не атташе. Какое им, привычным к родительской опеке, было дело, как он на самом деле создавался, этот рай? Главное, что он был. Вадим всегда поражался тому, как в ней мирно уживались спокойствие и страстность, задумчивость и заразительное веселье, безмятежность и тонкая ирония. Не то чтобы по жизни не влекли его женские прелести, но, во-первых, при таком тесте не забалуешь, во-вторых, он еще до встречи с Лизой узнал им цену. Понимая, что невозможно объять необъятное, он не выискивал приключений на свою голову. Опасаясь возможных рисков, он свел к минимуму внешнее проявление чувств. И успешно вошел в образ. У его жены была единственная постоянно усовершенствующаяся, потому и непредающаяся соперница – ЭВМ. Лет эдак десять они жили-не тужили, с легкостью проводив в последний путь предводителя благополучных застольных времен, без горестей пережив чересчур резвую смену последующих предводителей, перестроечную гласность и трезвость. Когда в протрезвевших умах забродили смутные сомнения в реальности построения всеми заждавшегося коммунизма, разноуровневым руководителям монолитной партии стало понятно, что вместе с крахом монолита им тоже придет гаплык. Тогда-то не окончательно утративший вес, а с ним и старые связи, тестюшка подсуетился, ненавязчиво подталкивая зятя взять бразды правления своей жизнью в собственные руки. «Почему бы и нет?» – подумал Вадим и не пожалел, с помощью тестя в два счета перейдя в тяжеловесную категорию. К сорока годам он многого достиг в своей жизни. Вместе с тем, стоило ему понять, что он оказался всего лишь маленьким винтиком огромной машины, приводимой в движение жаждой наживы и тщеславием, жизнь мало-помалу стала утрачивать былое очарование. Это стопорило, сжимало, подавляло волю. Но деньги прочно взяли в оборот. Необходим был дополнительный стимул. Безразлично какой, главное – не заскорузлый, не приевшийся. И вот именно сейчас в его жизни появилась эта девушка. Он согласился принять ее на работу по просьбе товарища своего отца. При первом же их знакомстве она цапнула его по сердцу. Не красотой своей, а схожим на порхание мотылька взглядом. То обжигая его глазами, то тревожно отводя их в сторону, она повергла его в смятение. Он даже не нашелся что сказать. Задав ей несколько вопросов, он определил, что так сходу ее ни к какому делу не приставишь, разве что уборщицей. Пожалуй, единственным ценным качеством в ней была эффектная внешность, которую он и решил использовать с максимальной выгодой, опреде-

лив на должность продавца-консультанта. Чтобы скрыть убогую безвкусицу, в которую с непонятным упорством наряжалось это очаровательное создание, он ввел униформу. В силу своей постоянной занятости поначалу он вспоминал об этой девушке лишь изредка, случайно пересекаясь с ней на работе. И всякий раз при этом она пугливо отводила взгляд, невольно выказывая свои чувства. Ее поведение как-то не соответствовало ее внешности. Он так и не разобрался, то ли она не понимала о своей красоте, то ли, несмотря на свой юный возраст, была искусенной в искусстве оболъщения. Но всякий раз при их случайных встречах у него начинало учащенно биться сердце, и уже от одной мысли о ней на душе светлело. Незаметно эта игра глазами увлекла его, и он стал все больше тяготиться чувством неопределенности между ними. А ведь когда-то он был иным. Пусть не мачо, но цель поражал сходу. Потом, из года в год командуя самому себе: «К ноге!», переключал свой потенциал на благо семьи. Теперь не хотелось подавлять в себе вновь включившегося мужика. Надо было что-то решать. Ненастный день оказал ему в этом услугу, позволив как бы походя предложить подвезти ее до дома (фактор внезапности лишил ее возможности маневрировать). Оба, казалось, искрились от избытка накопившихся чувств и понимали, что разряда не избежать. Знал бы он, на что способна эта страстная раскованная девочка-женщина, предвосхищавшая его тайные желания, заполнившая собой все его мысли и чувства, обошел бы ее десятой дорогой. Нет, захотелось кайфануть. Это наваждение застало его врасплох, он оказался не готовым бросить жену и сына. Но жизнь и этот вопрос за него решила, выставив его в глазах жены обыкновенным бабником. Все еще надеясь спасти семью, он продолжал возвращаться к жене. «Ну что тебе стоит, Лиза? – кричала его душа. – Ведь ты жена моя, ты знаешь, ты умеешь. Сам не смогу, не отпускает другая. Переплюнь, переиграй, перетанцуй ее. Спаси меня, закружи метелицей. И может быть, все у нас еще получится, сложится, ну хоть как-нибудь склеится». Нет, ничего не возвращалось на круги свои. Не понимала, не видела, не слышала, облачила душу в обиду. Она признавала лишь правильного мужа. Оступившийся, грешный был не по нутру. Грешному полагалась тарелка каши на ужин, а постель с ним делить... Боже упаси! Надолго ли хватило ее любви, когда укусила своя вошь? Другим хуже приходится, и ничего, мирятся. Да хоть бы Тоню взять, эта за семью – горой! А у жены лишь скорбная покорность, насквозь пропитанная кислотой ее обиды.

Сейчас, лежа в холодной постели, глядя через заплаканное окно в непроглядный мрак осеннего ненастья, Вадим мысленно прокручивал в памяти прожитые годы.

6

– Мам, что бабушка сказала? – не сводя с матери напряженного взгляда, спросил Сережа.

После ухода Вадима никто из них не проронил ни слова, замкнувшись в ракушке собственной боли. Этот звонок вывел обоих из состояния нервного шока.

Положив трубку, Лиза обвела взглядом комнату и с удивлением обнаружила, что поздний вечер исподволь заполнил все жутковатым полумраком. Она включила свет и перевела взгляд на сына.

– Ты что-то сказал?.. – спросила она.

– Бабушка, зачем звонила? – спросил Сережа, с сочувствием глядя на мать.

– Ах, бабушка, ... – расстроено повторила Лиза, зачем-то принимаясь распускать взятые в узел волосы. Затем замерла и снова принялась их укладывать. Переведя взгляд на сына, она успокаивающе ответила: – Папа сейчас у них. А бабашка... хотела узнать, как у нас дела.

Трудно было предположить более нелепый ответ. Покачав головой, он снова рискнул спросить:

– Что у вас случилось, пока я был в лагере? Ведь что-то же случилось. Почему папа уехал?

– Догадаться несложно, ... – с отстраненным видом произнесла Лиза, уставившись в одну точку.

– А сказать... сложно? – в упор глядя на мать, спросил Сережа.

Тяжело вздохнув, Лиза тихо ответила:

– Не будем об этом сейчас, ладно? Ничего уже не исправишь. Нам надо учиться жить без папы. Вот только как, я пока не знаю, – задумчиво глядя в окно, покачала она головой.

– Зря ты не хочешь сказать правду, – сказал Сережа.

Лиза смотрела на юного своего мальчика, упрямо пытавшегося разобраться в нюансах взрослой жизни, и слезы навернулись на глаза.

– Что это изменит? – прошептала она, вытерев ладонью покотившуюся слезу.

– Многое, – серьезно глядя на мать, ответил Сережа, – я буду знать, как мне дальше жить.

– Да как получится, так и будем жить, – вздохнула Лиза, с ласковой улыбкой проведя ладонью по его волосам. – Всего каких-то полгода осталось. Потом ты уедешь, а я буду ждать тебя. Ты будешь приезжать на каникулы и снова уезжать. А потом ты станешь взрослым, у тебя будет своя жизнь и своя семья. Постепенно все утрясется. Переживем как-нибудь. Не мы первые.

Сережа какое-то время продолжал сидеть возле матери, опустив голову и о чем-то напряженно думая. Потом, вскинув к ней глаза, спокойно сказал:

– Хорошо, тогда я пойду?

– Иди, конечно, – Лиза провела сына теплым взглядом.

Но стоило ему выйти из гостиной, как она снова ощутила леденящий холод пустоты. Чего, собственно, так пугаться? По мере того как она возвращалась памятью к случившемуся, в ее душе зарождалось двойное чувство. Не вчера этот груз упал на ее плечи. С того самого солнечного дня, когда Тоня сообщила ей эту новость, вся жизнь вдруг превратилась для нее в сплошной кошмар. Не успев оправиться от первого удара, через несколько дней Лиза получила второй от той же Тони.

В этот раз приятельница позвонила ей домой и тотчас набросилась на нее с обвинениями:

– Знаешь, Лиза, уж от кого, от кого, а от тебя я подлости не ожидала.

От слов таких Лиза только и смогла выдавить из себя:

– Ты о чем?

– Да все о том же, – не унималось боевое чириканье. – Отомстить решила? Разве я тебе неправду сказала?

– Да с чего ты взяла? – ничего не понимая, оправдывалась она.

– Да со слов Евгений Палыча! – чириканье грозило обернуться бабьей истерикой. — Радуйся! Пусть тебе плохо, но и мне не лучше!

– Я-то здесь при чем? – простодушно отбивала она нападки. – Я с мужем твоим даже по телефону не говорила.

– Откуда же он узнал, что я тебе рассказала?! – вела свое Тоня.

– Так у него и спроси, – бросила она в сердцах.

– По твоей милости он со мной говорить не хочет! – кричала Тоня. – И не надейся мне семью разбить! Не одна уже пыталась! Ха-ха!

Не зря говорят, друзья познаются в беде. Лишь сейчас Лиза по-настоящему поняла смысл этой избитой фразы.

Скрепя сердце, ради сына Лиза готова была и дальше замалчивать ту безобразную сцену у ресторана. Единственной ее надеждой было время – оно затянет раны и вполне еще может развеять любовный угар ее мужа. Рано или поздно должна последовать какая-то развязка. Ей так нужна была его поддержка – хоть одно доброе слово, хотя бы один понимающий взгляд. Все остальное сделала бы она сама, разыграв сцену прощения обманутой женой неверного мужа. Но пьеса пошла по иному совершенно непредвиденному сценарию. С того вечера Вадим стал просто игнорировать ее, словно это не она, а он застал ее с любовником. Нет, он не игнорировал ее как физическую единицу. Иногда он походя обращался к ней, даже не глядя на нее при

этом. Он игнорировал ее как личность. Ему стало совершенно не о чем разговаривать со своей женой. Он даже не ужинал теперь дома. Зато Сереже он посвящал теперь все свободное время, подолгу просиживал у него в комнате, показывал на компьютере новые программы, спрашивал о друзьях. Лиза часто слышала их смех. Как больно резал по сердцу этот звук. Со всей очевидной ясностью муж давал ей понять, что они теперь могут прекрасно обойтись и без нее. Если увлечение Вадима чисто по-человечески еще можно было понять, то сейчас Лиза совершенно не понимала, чего он добивался, унижая ее. Куда уж, казалось, больше? Показал, что можно больнее. Эти два месяца молчаливого ожидания окончательно добили ее. Чувствуя себя лишней в своей семье, она стала замкнутой и хмурой. Видя такую непонятную перемену матери, сын с каждым днем все больше отдалялся от нее. Лиза это просто сердцем чувствовала, хоть он старался быть одинаково вежливым и с отцом, и с ней. Мало-помалу в Сереже тоже нарастало внутреннее напряжение. Через два месяца Лиза отчетливо поняла, что роман ее мужа не был мимолетным увлечением. Не чувствуя за собой вины, он с молчаливым упорством давал ей это понять. Дошло до того, что ей и домой-то идти не хотелось. Возвращаясь, она молила Бога, чтобы Вадим пришел домой как можно позже. Так нет же! Именно сейчас у него куда-то испарились все его неотложные дела и возродилось пламенное отцовское чувство. В тот вечер все и случилось. Как всегда, вежливо поблагодарив, он отказался от ужина. Если бы он мог знать, чего ей стоило это ежедневное унижение – предлагать свои услуги, заранее зная, что получит вежливый отказ.

Он уже направился было к сыну, но Лиза коротко остановила его:

– Нам надо поговорить.

– О чем? – бросил он с полным безразличием, явно не собираясь задерживаться.

– Ты считаешь, что нам с тобой не о чем говорить? – резко бросила она ему в спину.

– Чего ты хочешь? – с недоумением оглянулся он.

– Я хочу знать, до каких пор ты намерен игнорировать меня?

Вот оно, настоящее унижение. Ты – ноль, пустое место, просишь о снисхождении до элементарного уважения человека, которому как минимум должна была бы плюнуть в лицо.

– Что это значит? – Вадим повернулся и теперь смотрел на нее хмуро с высоты своего внушительного роста. – Раньше ты упрекала меня в том, что я поздно возвращаюсь и мало уделяю внимания сыну. Что теперь не так?

– Раньше у тебя получалось уделять внимание нам обоим.

– Хорошо, ... – он не спеша подошел к креслу и тяжело опустился в него.

За последнее время он заметно поправился и все его движения стали более размеренными и плавными. Какое-то время они сидели молча. Лиза поймала себя на том, что почему-то внимательно рассматривает его. Правильные черты лица передались Вадиму от матери. Но, будучи грубоватыми, они наделяли его настоящей мужской красотой. Взгляд его больших серых глаз был обычно всегда уверенным и спокойным. Сейчас же его взгляд был, скорее, озлобленно мрачным.

– Когда ты последний раз смотрела на себя в зеркало?

Лиза опешила.

– Давай без оскорблений, – отрезала она. – Считаешь, тебе нельзя предъявить то же?

– Я не это имел в виду, – категорично отмел он ее упрек. – В конце концов, каждый выглядит, как выглядит. Ты не хуже меня знаешь, что в семейных проблемах виноваты оба, а ты упорно переводишь их в плоскость подлец – жертва.

– Потому что мне больно и, ... – в сердцах бросила она и осеклась. – Ты хочешь, чтобы я лгала тебе? Ты этого хочешь?

– Нет. Мне приятнее видеть твой кислый вид.

– Не в этом дело. Просто ты привык, что я дорожу тобой, ко всему отношусь с пониманием, а сейчас мне плохо, и я перестала это скрывать. Оба мы виноваты, нет ли, но не я тебе,

а именно ты мне лгал. И, по-твоему, сейчас я должна думать о том, как бы не омрачить твой приход твоей же ложью? – Лиза решилась, наконец, затронуть главное. – С того дня прошло уже два месяца, а я до сих пор так и не услышала от тебя ответа. Разве так трудно понять, что я могу при этом чувствовать? Что, кроме унижения и неопределенности?

– С каждым днем нам все сложнее друг с другом, – тяжело вздохнул Вадим. – Разве так трудно понять, зачем я стал раньше возвращаться домой? Или так трудно сделать, чтобы мне этого хотелось снова?

– Возвращаешься, – кивнула Лиза, – чтобы показать мне свое безразличие.

Эти слова заставили его задуматься. Вот только воспринял он их, вопреки ее надежде, иначе.

– Похоже, нам надо какое-то время побыть врозь, – глядя на нее в упор, ответил Вадим. – Тебе должно быть совестно. Фактически, ты лишаешь меня возможности нормально общаться с сыном.

– Ты хочешь уйти?! – Лиза почувствовала, как у нее сжалось сердце и онемели кончики пальцев.

– Если ты при виде меня не чувствуешь ничего кроме унижения и неопределенности, что же мне остается?

Лиза закрыла глаза, пытаясь собрать в себе жалкие крохи терпения. Получалось, своей откровенностью она развязала ему руки. Самой уйти ей было некуда. Что же делать?.. Упрашивать его остаться, чтобы дальше притворяться и лгать? Для этого не осталось сил. Да и смысла не было. Если захочет, он всегда найдет способ уйти. Сегодня ведь нашел? Кому нужны были два месяца ее унижений? Чтобы он ее за это же обвинил? Оказывается, она и мужа своего не знала, хоть не просто прожила с ним двадцать лет, а любила его. Не знала, кого любила... Лиза продолжала тупо смотреть в одну точку, ничего вокруг не замечая. Первый раз из этого состояния ее вывел голос Вадима. Но обращался он не к ней. С ней он даже не попрощался, на нее он даже не взглянул. Совестно было? Вряд ли...

И вот сейчас этот звонок. Она не чувствовала ни злости, ни обиды, вообще ничего. Все ее чувства словно занемели. Потому что рана свежая – подсказывало ей сердце. Будет еще, повсякому будет...

7

Постылый дождь барабанил по подоконнику. Земля отказывалась принимать влагу, и вода расплывалась по ней огромными лужами. Ни объехать, ни обойти. Под стать погоде такими же неприветливыми были и люди. «Если бы дождь мог знать, как им надоел, давно бы уже перестал», – думала Лера.

Согнув укрытые пледом ноги, она обхватила их переплетенными пальцами и склонила голову на колени. Взглянув на одежду, она уныло вздохнула. Развешенная на спинке стула куртка до завтра просохнет вряд ли. О туфлях и говорить нечего.

Лера перевела тоскливый взгляд на окно. За ним была тьма кромешная. Так же тоскливо было у нее на душе. Никакого просвета... Видно, так уж ей на роду написано. От судьбы не уйдешь, как говаривала ее мама. Лера вспомнила о маме, и ей захотелось домой. Уткнувшись лицом в подушку, она тихо заплакала. Уже и подушка пропиталась слезами, а на душе легче не становилось.

Неделю назад у них на фирме произошел инцидент. Все началось с визита представительной дамы. Игнорируя обращенные к ней любопытные взгляды, она с надменным видом вошла в кабинет патрона и пробыла там довольно долго. Никто не слышал, о чем они говорили. Когда, выйдя, она обвела всех бесстрастным взглядом, Лера почувствовала себя словно уличенной

в воровстве. Позже выяснилось, что дама эта была матерью Вадима Владиславовича Главацкого. Казалось бы, ничего особенного не произошло. Для других оно так и было, но не для нее.

Именно с того дня отношение Вадима к ней резко изменилось. Он ни разу не подошел к ней, не заговорил. Он даже ни разу не взглянул в ее сторону. Лера была обескуражена такой внезапной переменой. Это заметили многие. В последнее время она витала на седьмом небе от счастья. А вот сейчас все изменилось. Лера терзалась муками ревности и сомнения, то оправдывая, то ненавидя его. Временами ей казалось, что она не может претендовать на его любовь, на любовь чужого мужа.

Но предательская память упорно возвращала ее в тот дождливый вечер, когда он предложил подвезти ее до дома. О чем-то они говорили. Он спрашивал, нравится ли ей работа, не скучает ли по дому, интересовался дядиным здоровьем. Пытаясь защититься от исходящей от него мощной волны мужского обаяния, она ухватилась взглядом за выступающие вены на плавно покручивающей руль его руке. Чисто по-женски подмечая светло-серый корпус часов на запястье, манжет безупречно отутюженной сорочки, она ему односложно отвечала. А хотелось-то совсем другого: чтобы взял он ее за руку и повел за собой в эту мармеладную, шикарно пахнущую жизнь. Может, потому, когда он в шутку спросил, не присмотрела ли она себе жениха, она, не таясь, ответила: «Присмотрела, да женатого». По резкому повороту его головы и по тому, как вспыхнули его глаза, она все поняла и ответила ему таким же взглядом. Они непроизвольно потянулись друг к другу. Вот тогда она впервые поняла, что значит – настоящий мужчина. Тот, с которым чувствуешь себя женщиной. Уже дома, мысленно прокручивая этот неожиданный поворот судьбы, она вспомнила, что он не спросил адрес, стало быть, подвез ее не случайно. Она доверилась ему и впорхнула в зефирную сказку, которая каждый вечер заканчивалась одним и тем же – он по-прежнему возвращался к жене. Как только Лера ни пыталась вызвать его на разговор о ней, он всякий раз отшучивался. Потому ответы за него она додумывала сама: «Потому и молчит, что похвастаться нечем». Пожалуй, именно ее домыслы мало-помалу и притупляли эту занозу. Теперь же оставалось одно – смириться с тем, что она сама была для него лишь временным увлечением. Вадим по-прежнему продолжал игнорировать ее. К концу недели у Леры уже не было сомнения в том, что кто-то донес его матери об их отношениях. Иначе откуда об этом узнал дядя, устроивший ее на работу через своего приятеля Владислава Ивановича? Высказав все, что о ней думает, дядя хлопнул дверью, и с того дня ни разу больше не вошел в ее комнату. Правду говорят – приходит беда, открывая ворота.

Услышав скрип входной двери, Лера вся напряглась, словно пантера перед прыжком. Послышался щелчок выключателя, вслед за этим тихая возня. Должно быть, дядя раздевался. Тихо открылась дверь в ее комнату. Тотчас оторвав голову от подушки, она повернулась и увидела в дверном проеме дядин силуэт.

Дядя ее, семидесятилетний Валерьян Ефимович Ольшанский, проживал когда-то с женой в этом небольшом домике на тихой городской окраине. И все было бы у них мирком да ладком, если бы не одна кручина, точившая их сердца – не дал им Бог детей. А потом и супругу забрал, оставив Валерьяна Ефимовича делить старость со своим одиночеством. Будучи человеком рассудительным, он решил на старости лет не обзаводиться семьей во второй раз. Так оно и спокойнее, и вольготнее. Да вот беда, дамочкам, с которыми сводила его судьба, почему-то просто до зарезу нужны были брачные узы. Стоило им раз-другой натолкнуться на стену его непоколебимости в этом вопросе, как вся их сердечность и домовитость тотчас превращалась в надменную неприступность. Валерьян Ефимович, не будь дураком, испытывать судьбу долго не стал. Быстренько во всем разобравшись, он решил подойти к этому вопросу с другой стороны. В далеком провинциальном городке жила его родная сестра, с которой, правда, отношения он поддерживал весьма неохотно. Как принято было считать в их семье, выйдя замуж вопреки родительской воле, она опозорила их старинный польский род. Насколько старинным был их род, да и вообще, был ли он польским, для Валерьяна Ефимовича оставалось

под знаком вопроса до сих пор. Но то, что сестра этим замужеством испортила себе жизнь, ни у кого сомнений не вызывало. Она и сама не отрицала этого, в своих письмах к брату сокрушаясь, что муж, воспользовавшись ее молодостью и наивностью, загубил жизнь не только ей, но и своим детям. Зная, что у брата детей нет, она всякий раз напоминала ему о том, что у него есть племянники, родные кровиночки, а, как известно, пока чужой посочувствует, свой уж заплачет. Валерьян Ефимович же при одном упоминании о свояке чертыхался, посылая куда подальше эти самые кровиночки. Зная, что яблоко от яблони недалеко падает, он опасался, как бы ему самому от них плакать не пришлось. Но старость – тетка упрямая, и рано или поздно к стенке кого хочешь прижмет. Вот и Валерьяна Ефимовича прижала. Поразмыслив, что, пожалуй, стоит забрать к себе старшую племянницу, он об этом и написал своей сестре, намекнув, что, если та будет ему хорошей помощницей, в будущем он сделает ее своей наследницей. Ответ последовал незамедлительно, а вслед за ответом не замешкалась и сама племянница, при одном появлении которой дядя так и крикнул. Замухрышка, одно слово... Но до чего ж красивая! Сперва он даже не поверил, что это она самая и есть. Сколько себя помнил, не видал он в их русоволосом конопатом роду таких смуглолицых, да кареглазых, да чернявых, да с такими жемчужно-белыми зубами. Но одета, одета-то во что?! Майчонка да юбочка. Не сомневался он, что в такое вырядить родное дитя могла только его разлюбезная сестрица. Да и поговорив с ней о том о сем, тоже смекнул, что девка-то бедовая. Захотелось Валерьяну Ефимовичу такой красотой похвастаться, благо и предлог был – надо было как-то ее к делу пристраивать. Одна беда – в эдаком наряде стыдно людям показать. К тому времени в его груди зарделся родственный порыв, и он незамедлительно принялся реализовывать дремавшие в нем отцовские чувства. Одел, обул по своему усмотрению, как-никак на взрослую жизнь благословлял. А затем и «в свет» понемногу стал выводить. Красивая, соглашались все, но с работой не могли помочь. Пригорюнился Валерьян Ефимович – оно и правда, по нынешним временам образованные безработными сидели, в этом деле красота не помощник. Поразмыслив да прикинув, не забыл ли кого, решил он попросить об услуге старинного товарища своего, Владислава. Он-то единственный и взялся помочь Валерьяну Ефимовичу, и помог-таки! Только вот как оно все обернулось-то... Отблагодарила племянница за такую заботу.

– Что в темноте сидишь? – включая свет, мрачно бросил он.

Щурясь от яркого света, Лера не сводила с дяди напряженного взгляда. Увидев ее заплаканные глаза, Валерьян Ефимович только головой покачал. Небрежно с шумом отодвинув стул, он тяжело водрузил на него свою тучную фигуру, крикнув при этом. Его полное с двойным подбородком краснощекое лицо сейчас то ли от холода, то ли от нервного напряжения было багровым. Большие навывкате глаза смотрели сурово из-под кустистых бровей, а широкий картошкой нос выжидающе сопел. Так и не дождавшись от племянницы ни слова, он слегка хлопнул по столу широкой ладонью.

– Плачешь? Ну-ну, ... – тяжело дыша, он снова покачал головой, – только плакать теперь уж поздно. Разбила чужую семью, – Валерьян Ефимович беспомощно развел руками.

– Ничего я не разбивала, – с отчаянием бросила Лера, – я к маме уеду.

– Ага-ага, это ты матери расскажешь, – закивав, Валерьян Ефимович перевел на племянницу растерянный взгляд. – Как я буду людям в глаза смотреть?

– Никак, – отрезала Лера, – я и не просила. Вадим сам предложил, ... – она осеклась, прикусив нижнюю губу.

– Какой он тебе Вадим?! – стукнул по столу Валерьян Ефимович, да так, что подпрыгнула стоявшая в центре стола вазочка с искусственными гвоздиками. Лицо его при этом побагровело еще больше, а сам он, тяжело дыша, расстегнул верхнюю пуговицу клетчатой сорочки.

Чувствуя, что голова расколется от резко подпрыгнувшего давления, Валерьян Ефимович попытался взять себя в руки и успокоиться. Все еще тяжело дыша, он расслабился и молча уставился на племянницу.

«Шут его знает, может, девчонка не виновата? – подумал он. – Как ни крути, а она таки красавица. Ну да, Вадим тоже не слепой, сразу разглядел. Да там и разглядывать нечего, сама в глаза бросается».

– Ладно, – расстроено продолжал он, – может, у них еще и наладится. Я Лизу знаю. Она мягкая, отходчивая. Ты... вот что, с работы уходи. А ему скажи, что домой уезжаешь, – исподлобья бросил он на племянницу мрачный взгляд. – Вздумаешь крутить, я тебя сам домой отправлю. Не забыла, поди, как там сладко жилось?

– Не забыла, – вздохнула Лера, опустив глаза.

Похоже, гроза миновала. Дядя был человеком мягким, но в этот раз рассердился не на шутку. Именно к этой его мягкости и человечности прикипело ее сердце. А дома, что? Работать переходящим вымпелом от одного хозяина к другому? Все как по шаблону, только рожи разные. Чего было ждать от таких? Потаскают, пока не отцветет, да и бросят. И в семье не лучше. Сколько Лера себя помнила, еле сводили концы с концами. А в последнее время и того хуже – отцу зарплату стали платить раз в три месяца. Если и уволишься, так куда пойдешь? Мама на почте тоже немного зарабатывала. Другое дело – здесь. Подучили, приодели. Все так или иначе попадали сюда по чьей-либо протекции, потому и не выставлялись друг перед другом, потому и закрывали глаза на амурные дела кормильца, опасаясь лишиться хлебного места. Да и сейчас за спиной не шушукались, лишь холодком повеяло – сама, мол, влипла, сама и разбирайся. Знали, небось, чего стоят эти романчики. И оказались правы.

– Не переживайте за них, – ответила Лера, сунув ноги в шлепанцы, – ничего с их семьей не случится. Таких, как я, Вадим Владиславович для развлечения держат. А с такими, как Лиза, они в семью играют.

Валерьян Ефимович молча смотрел на племянницу, пытаясь до конца осознать смысл ее слов. Может, он чего-то не понимал? Или она еще не все знала?

Не замечая этого недоуменно пристального взгляда, она продолжала:

– Не буду я ему ничего говорить, никто меня искать не бросится. Так мне и надо.

– А,... – начал было Валерьян Ефимович, но запнулся. Какое-то время, склонив набок голову, он о чем-то раздумывал. И вдруг что-то теплое промелькнуло в его взгляде. – Правильно, правильно. Поняла, и хорошо. Ты чужую семью не суди, не надо. Смотри, чтоб тебя не осудили. На твой век и неженатых хватит. Ты у нас в девках не засидишься.

Но, к его удивлению, эти слова возымели обратный эффект. Закрыв лицо ладонями, Лера вдруг заплакала. Она плакала горько, навзрыд, время от времени громко всхлипывая.

– Не нужен мне никто, – сквозь всхлипывания бросила она, – все они... одинаковые...

Валерьян Ефимович опешил. Нехорошие тревожные мысли понемногу закрадывались в его голову. Да только с какого же боку подступиться, когда не знаешь, как и начинать-то? Взял на свою голову мороку, одно слово... Валерьян Ефимович с озабоченным видом почесал затылок, крикнув при этом.

– Ты... вот что, плакать погоди, – сказал он, не смея взглянуть на племянницу, – слезами горю не поможешь. Ты, – тут он замялся, – может, я чего не знаю?

Лера подняла к нему заплаканные глаза, и Валерьян Ефимович прочитал в них немой вопрос.

– Непонятно? – осмелел Валерьян Ефимович. – Не с мальчиком небось гуляла.

Лера какое-то время продолжала сидеть неподвижно, и по всему было видно, что смысл дядиных слов до нее дошел не сразу. Поняв, она отвела взгляд и отрицательно покачала головой. Валерьян Ефимович облегченно вздохнул и только сейчас почувствовал, как даже вспотел от напряжения.

– Тогда и плакать нечего, – пытаясь приободрить племянницу, начал он. – Радоваться надо. Ничем хорошим это все равно бы не кончилось...

Неожиданно монотонный шум дождя за окном нарушил звук подъехавшего автомобиля. Валерьян Ефимович тяжело поднялся и направился к выключателю. Лера опомниться не успела, как очутилась в полной темноте, а он уже стоял у окна и, отодвинув штору, что-то высматривал. Лера же, словно замороженная, следила за дядей.

– Принесла кого-то нелегкая, – вытягивая шею, тихо сказал дядя. – Не пойму, к нам, что ли?.. Вроде к нам кто-то идет.

Словно в подтверждение его словам, послышался резкий оглушительный звонок. Дядя слышал плохо, поэтому и поставил звонок на полную громкость. Пользовались им редко: у них были ключи, а соседи здесь заходили запросто, без стука. И сейчас этот звонок звучал как набат в тревожной тишине. Валерьян Ефимович раздумывал, как быть. Понимая, что приехавший заметил свет в их окне, он рассудил, что играть в кошки-мышки бесполезно. С другой стороны, кому он мог понадобиться на ночь глядя? Поэтому он решил маленько погодить, авось, уберутся восвояси. Но звонивший такой мысли явно не разделял и, не желая мокнуть под дождем, снова и снова приводил в действие эту мощную сирену.

Лера не выдержала:

– Что вы стоите? Оглохнуть можно.

Махнув рукой, Валерьян Ефимович грузной походкой направился в коридор. Дядины гости ее не интересовали, поэтому она снова собралась прилечь и подумать о предстоящем увольнении. Собралась, но так и застыла с пледом в руках. Голос вошедшего был похож на голос Вадима. На миг ей показалось, что она сходит с ума.

Резко повернувшись на скрип открывающейся двери, она снова застыла, не в силах вымолвить ни слова. Вадим стоял у порога, устремив на нее свой взгляд. Просто стоял и смотрел на нее. Все слова, какие только придумало человечество, не смогли бы выразить того, что сказали его глаза. Вся во власти этих глаз, она потеряла способность мыслить и говорить. Она видела только его. Она знала только то, что без него ей не нужен ни этот мир, ни эта жизнь. Не раздумывая, она пошла бы сейчас за ним хоть на край земли.

– Собирайся, – нарушил он тишину, не рассчитывая здесь задерживаться.

Эти слова вернули ее в реальность.

– Почему же ты?.. – начала было она, но Вадим не дал ей закончить.

– Я не хотел тебя вмешивать в свои дела, – в его словах ощущалась боль и усталость, – потом поймешь.

Слегка отстранив Вадима, в комнату вошел Валерьян Ефимович.

– Куда это ей собираться? – побагровев от негодования, он решил показать гостю, кто в доме хозяин. – Нет, Вадим, так дело не пойдет. Это ты там у себя начальник, – махнул он рукой, – а здесь я несу за нее ответственность перед матерью.

– Она не ребенок и вправе решать, что ей делать, – с высоты своего внушительного роста обратился он к низкорослому Валерьяну Ефимовичу.

– Она-то, может, и не ребенок, да только и ты не холостяк, – мрачно отрезал Валерьян Ефимович.

Вадим с укором смотрел на друга своего отца.

– За кого вы меня принимаете? Вы ведь говорили с отцом, значит, все знаете. Какой смысл нам сейчас жить врозь?

Валерьян Ефимович вздохнул и, глядя себе под ноги, покачал головой.

– Ладно, садись. Собраться она всегда успеет.

Вадим без видимой охоты присел на стул. Лера так и застыла в недоумении, прижимая к себе этот злополучный плед.

Валерьян Ефимович тоже тяжело опустился на стул.

– Подумай, пока не поздно, – обратился он к Вадиму. В его словах сквозила отеческая забота и просто человеческая просьба. – Она ведь совсем молоденькая. Покалечишь жизнь девчонке, как ей дальше жить? Ты в семью вернешься. А она – куда?

Вадим задумался, изучая взглядом оранжевую плюшевую скатерть на столе, слегка постукивая по столу пальцами.

– Не вернусь, – лаконично ответил он.

Всем было сейчас непросто, хотелось определенности, и вместе с тем нечего было сказать друг другу.

Первым не выдержал Валерьян Иванович.

– Ну и куда же ты ее хочешь забрать на ночь глядя?

– Я квартиру снял, – не сводя со скатерти глаз, словно читая там ответы на все вопросы, уставшим тоном произнес Вадим, – потом куплю что-нибудь.

С печальным видом Валерьян Ефимович время от времени покачивал головой.

– Ну, ну... ну, ну... – говорил он при этом. – А что я матери ее скажу?

Лера подошла к дивану и присела на краешек. Похоже, никто этого не заметил. Она смотрела на дядю, и ей было невыносимо жаль его, растерянного, подавленного, так трогательно заботившегося о ней все это время.

– Маме не надо говорить, – робко вставила она, – я ей сама напишу. И обо мне, – слезы навернулись на глаза, когда взгляды их встретились, – не переживайте. Я к вам буду приходить и помогать тоже. Я с собой сейчас и брать ничего не буду. Завтра после работы зайду.

Валерьян Ефимович покорно закивал, опустив глаза. Ничего ему больше и не оставалось, как согласиться.

– Поехали, – поднимаясь, сказал Вадим. – Завтра так завтра.

И уже через пять минут Лера с Вадимом ехала в новую жизнь. Ей так много хотелось сказать ему, но она видела, каким уставшим и подавленным он был. Лера понимала, что в его сердце она всегда будет занимать лишь половину. Вторая половина будет принадлежать его семье. И никогда он не впустит ее туда. Пусть так, она докажет ему, что способна понять и принять это. Он увидит, что она готова разделить с ним все тяготы и невзгоды, и поймет, как она любит его. Так думала она, не подозревая, что двадцать лет назад, сидя рядом с мужем в салоне новеньких «Жигулей», другая такая же чистая и наивная женщина воздавала благодарность судьбе за столь щедро отмеренное ей счастье.

Автомобиль мчался по мокрому шоссе, увозя Леру все дальше от того места, где она впервые обрела свой дом. Это расставание было сейчас единственной тучкой на горизонте ее счастья. Но счастье было таким огромным, а тучка такая маленькая, что она никак не могла омрачить его.

Лера не знала, что в маленьком домике на тихой городской окраине тотчас после ее отъезда произошла еще одна встреча. Но в этот раз Валерьян Ефимович не подходил к окну, никого не высматривал и не раздумывал, открывать ли ему дверь. Гостья вошла бесшумно, не дожидаясь приглашения. Внезапно представ перед Валерьяном Ефимовичем, она устремила к нему холодный бесстрастный взгляд. В тот же миг он почувствовал, как этот холод пронизывает его насквозь. Он смотрел на гостью, окруженную ореолом голубоватого свечения, и ему казалось, что отведи он взгляд хоть на миг, она исчезнет, потеряв над ним власть. Но вместе с тем он был не в силах это сделать.

Страшно ли ему было покидать этот мир в полном одиночестве, или же он безропотно и покорно принял свой жребий, никто никогда не узнает.

Впервые за последнюю неделю, выглянув из-за туч, солнце озарило унылую картину. Соскучившись по свету и теплу, природа нежилась в его раскосых лучах. В золоте и багрянце красовались деревья, разноцветным ковром укрылась под ними земля. Воздух наполнился горьковатым ароматом дымков, опалых листьев и осенних цветов. Красуясь пестрым одеянием, гордо поднимали кудрявые головки астры, георгины и хризантемы.

Но здесь цветы не смели радоваться жизни. Они склонились над могилой, печально вздыхая о том, с кем предстояло им разделить общую участь. Здесь даже птицы не смели нарушить вечный покой тех, кто по Божьей воле завершил свой земной путь.

– Благостно-то как, братик мой, а ты уже не видишь, – в очередной раз подлив масла в огонь, Софья Ефимовна окинула присутствующих беглым взглядом.

Их осталось немного, да и те расходились, бросая скорбные взгляды на сослуживца, друга и соседа, отныне упокоившегося в этой земле.

Стоя рядом с матерью у могилы Валерьяна Ефимовича, Лера ничего вокруг не замечала. Она чувствовала внутри себя страшную пустоту, словно из нее вынули сердце, оставив там зияющую черной болью дыру. Несмотря на то что мама держала ее под руку, ей было совершенно не на кого опереться. Она только сейчас поняла, насколько они с мамой отделились друг от друга. Они и внешне были не похожи, и вели себя сейчас по-разному. Лера стояла как вкопанная, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Неподвижным был даже ее взгляд. Софья Ефимовна, почти на голову ниже дочери, постоянно сморкалась, терла глаза, исподтишка бросая на окружающих цепкие взгляды.

– Братик мой дорогой, – завела Софья Ефимовна, когда они с дочерью остались у могилы одни, – спасибо тебе за доброту твою. Мы тебя никогда не забудем, – она приложила к глазам скомканный носовой платок, – покойся с миром. Пошли, доченька. Его уже не поднимешь, пусть земля ему будет пухом.

Бросив прощальный взгляд на покрытую венками и цветами могилу, они втроем направились к машине. По дороге никто из них не проронил ни слова.

Едва они вошли в дом, состоявший из трех небольших комнат и кухоньки, Софья Ефимовна открыла шкаф и принялась проверять содержимое своей дорожной сумки. Лера села на краешек дивана в своей комнате и почему-то уставилась на стул, на котором недавно сидел Валерьян Ефимович.

– Что будем делать? – тихо спросил Вадим.

– Полы вымыть надо, – донеслось из соседней комнаты.

– Зачем? – недоуменно оглянувшись, спросила Лера.

– За покойником так полагается, – зайдя в комнату, ответила Софья Ефимовна и окинула все скорбным взглядом.

Только сейчас по-настоящему рассмотрев женщину, Вадим отметил про себя, что Лера, ее мать и покойный дядя были совершенно не похожи друг на друга. Софья Ефимовна была невысокая, тощая, несимпатичная. Может, потому и выглядела зажатой, словно не испытывала в жизни никакой радости, живя лишь в силу необходимости.

Понимая, что сидеть так можно неизвестно сколько, Вадим нарушил тишину:

– Мне надо на работу, – произнес он, считая свое присутствие здесь неуместным.

– Да, конечно, – сказала Лера, так и не взглянув на него, продолжая по-прежнему смотреть в одну точку.

– Я вечером заеду, – сказал Вадим, поднимаясь.

Лера перевела на него тяжелый взгляд и слабо покачала головой.

– Не надо, я потом сама приеду, – тихо, мягко ответила она.

Софья Ефимовна молча наблюдала за ними, пытаясь разобраться в их отношениях. То, что мужчина представительный, она определила сходу. То, что помогал дочери в подготовке к похоронам и постоянно был с ней, говорило о близости их отношений. Но как-то странно

он держался – все время в тени, в сторонке. «Едет, и ладно, – решила она про себя, – мешать не станет». Поэтому только молча кивнула, когда Вадим попрощался с ней.

Оставшись наедине с дочерью, Софья Ефимовна села рядышком с ней и обняла, припав к ее плечу. Закрыв глаза, она сказала тихо, ласково:

– Доченька, как же я по тебе соскучилась. Как ты здесь жила все время? Хорошо тебе было с дядей?

– Я же писала, – выдавила из себя Лера, не понимая, как сейчас можно говорить об этом. – Это я во всем виновата. Если бы я осталась, ... – не в силах говорить, она закрыла лицо руками.

– А ты не с ним разве жила? – с недоумением отстранившись, спросила мать.

– С ним. Но Вадим забрал меня, он квартиру снял. После работы я за вещами пришла, а дядя здесь на диване лежит. Я подошла к нему, думала, он уснул. Смотрю, а он какой-то... на себя непохожий, – видно было, что каждое слово давалось ей с трудом.

– Ну, ну, – пытаясь успокоить дочь, мать снова обняла ее и, прижав к себе, принялась покачивать, словно ребенка, слегка похлопывая ладонью по спине. – Ни в чем ты не виновата. Смерть людей не боится. Раз уж пришла, свое и возьмет. Он ведь и раньше один жил.

– Не знаю, – прошептала Лера, прильнув к маминой груди. Она вдруг ощутила, как в детстве, ее тепло, и от этого на душе стало спокойнее.

Какое-то время они молча так сидели, думая каждая о своем.

– А Вадим этот, кто? Твой жених? – пытаясь не беречь свежие раны, осторожно спросила мать.

– Не знаю, – вздохнула Лера.

– Как, не знаешь?... Зачем же ты поехала с ним?

– Он ушел от жены. Не развелся еще.

– Да, непросто, – протяжно сказала Софья Ефимовна, покачивая головой. – Ты этим разведенным не очень-то доверяй. Жена выставит, так они себе молоденьких дурочек ищут. Где он работает?

– Это я у него на фирме работаю. Меня туда через его отца дядя устроил.

– Вон оно что, – протяжно произнесла Софья Ефимовна. – А с женой они что не поделили?

– Меня и не поделили, – устало бросила Лера.

Возможно, в другое время она была бы осмотрительнее в своей откровенности. Но сейчас ей именно откровенности и хотелось. Ей хотелось, чтобы ее просто по-человечески выслушали, пусть осудили, но не за глаза.

– Дети у него есть? – осторожно допытывалась Софья Ефимовна.

– Сын. Но он уедет скоро. В этом году кончает школу.

Задумалась Софья Ефимовна.

– Ох, дочурка, не знаю, что и сказать, – тяжело вздохнув, сказала она. – Плохая это примета – семейную жизнь с похорон начинать. Езжай-ка ты со мной обратно. Дом этот продадим, деньги будут. Начнем что-нибудь свое и заживем как люди.

– Я люблю его, – спокойно ответила Лера.

– Такого, поди, не одна ты любишь. Ты знаешь, сколько их у него, таких, как ты?

– Я одна.

– Красавица ты моя, – Софья Ефимовна с любовью посмотрела на дочь. – Беды бы тебе красота эта не наделала. Ладно, отдохай. На тебе лица нет. Да только не на диване этом, в другой комнате. А я полы вымою. Даже не помянули по-человечески.

– Мы хотели. Но я кроме соседей никого не знаю, а они сказали, что сейчас не надо. На девятый и сороковой день полагается.

– Полагается. Только мы уж его дома помянем, я в церковь пойду. А здесь... как эти поминки устраивать? У меня с собой и денег-то нет.

- Мы сами соседей позовем. Скажи, что в церкви делать.
- Скажу, конечно. Иди, ложись.

Лера покорно легла на кровать и тотчас провалилась в тяжком забытии.

Вымыв полы, Софья Ефимовна принялась осматривать дом. Переходя из комнаты в комнату, она все прикидывала, что можно будет продать и сколько за это выручить, а что забрать с собой. Но один вопрос, который так волновал ее сейчас, и который она сама не могла решить – был сам дом. Если дочь собиралась здесь жить, надо было бы дом оставить ей. С другой стороны, Вадим этот, похоже, не бедствовал. Надо бы поделикатнее выведать, какие у него планы относительно Леры и этого домика. Как бы он его не хапнул и всю их семью с носом не оставил. Богатые, они ведь скупые. Это только в фильмах они деньгами сорят, на самом же деле каждую копейку считают, и свою, и чужой не брезгают. Такие вот мысли одолевали Софью Ефимовну, только что похоронившую родного брата. Не то чтобы женщина она была черствая или брата своего не любила. Такой ее сделала жизнь. Другие как-то выкручивались, принаравливались. А у них с мужем – от зарплаты до зарплаты. И вот сейчас появилась возможность хоть немного изменить эту постылую серую жизнь. Другого шанса не будет. Поэтому и надо было обдумать все не спеша, основательно. Если все на самом деле так, как говорит дочь, самое время из него сейчас хоть какую-нибудь пользу для семьи поиметь. Захочет, пусть живет здесь вместе с Лерой. Дом Софья Ефимовна в любом случае собиралась оформить на себя, так что зятек вряд ли что-нибудь оттяпает. Надо бы ему намекнуть, чтобы сыночка к себе пристроил за то, что будет жить в их доме. Возможность устроить судьбу своего любимчика заинтриговала Софью Ефимовну. Ее сын Олег был на четыре года младше дочери и в семье на правах младшего считался баловнем. Дочери же волею судьбы выпала нелегкая участь. Не говоря о том, что она (в угоду брату) назвала дочь непривычным именем Валериана, был и более существенный фактор, лишивший девочку беззаботного детства.

До рождения Олега муж Софьи Ефимовны отказывался признавать дочь своим ребенком и не раз в приступе ревности грозил жене разводом, так как девочка была совершенно не похожа ни на кого из родителей. Будучи человеком нерешительным и недалеким, он сам прекрасно осознавал свои недостатки. Но когда на дочь указывали другие, было обидно. Знал бы кто, сколько слез и седых волос прибавило рождение дочери ни в чем не повинной Софье Ефимовне. Время шло, страсти поутихли. Когда же родился мальчик, муж не сомневался, что это тот ребенок плоть от плоти его. Но вот незадача – мальчик рос копией своей сестры. Здесь уж отпали всякие сомнения в том, что и дочь была его кровным ребенком. К тому времени вопрос кровного родства для родителей стал не столь неактуален. Голова болела больше о том, как детей поднимать. Вот и отправили дочь после окончания школы торговать на рынок. Годы шли, и Софья Ефимовна, к своему разочарованию, поняла, что Олег был внешней копией сестры. В остальном – ни стыда ни совести. Удача, наконец, улыбнулась дочери, и брат согласился взять ее под свою опеку. Почувствовав себя в семье единственным ребенком, Олег тянул из них жилы. Все ему было мало и все не так, а самому только бы погулять. Обуздать подрастающее чадо родителям было не под силу. Потому-то Софья Ефимовна и ухватилась за возможность пристроить своего любимца к серьезному человеку. Нет, не о судьбе дочери она сейчас беспокоилась. И здесь ее сыночек одержал первенство. А брат... Ну, что брат? Конечно же, она и любила его по-родственному, и уважала как человека, сумевшего пусть скромно, но достойно прожить свою жизнь. Только брату-то уже сейчас от этого ни холодно ни жарко. А здесь ведь родные детки. Кто же о них позаботится кроме матери?

Пытаясь скрыть чувство неловкости, отец протянул Сереже конверт с деньгами. Сережа чувствовал это, ему тоже было неловко принимать от отца щедрые еженедельные «подачки».

Он не сомневался в искренности отцовских чувств, но вид у отца при этом был неестественный, потому что, как ни крути, а выглядело, будто этими деньгами он пытался загладить чувство вины перед разорванной им семьей.

Впрочем, как без него жила теперь эта разорванная семья, отец не спросил ни разу. Он рассказывал о своих делах, спрашивал сына об учебе, о друзьях, давал советы. Всякий раз при встрече он шел с Сережей куда-нибудь обедать, даже не спрашивая сына, голоден ли тот. Сережа понимал, почему – чтобы скрыть чувство неловкости, всякий раз возникавшее теперь между ними при встрече. Когда руки заняты ножом и вилкой, глаза устремлены в тарелку, а рот, чередуя пережевывание пищи, время от времени издает короткие банальные фразы, легче делать вид, что ничего не произошло. При этом Сережа исподтишка изучал отца и когда замечал на нем обновку, возникало ощущение ревности и отчужденности. За столь короткое время отец преобразился. Одевался он теперь в свитера и джинсы. Подстриженный «под ежик», он выглядел моложе. Сережа понимал, чем вызваны эти перемены, вспоминал потухший мамин взгляд, неумело скрываемый ее жалкий унылый вид, и ему становилось невыносимо больно оттого, что два родных человека, не желая того, разрывали его сердце на части. Ведь никогда ничего уже не будет, как прежде.

– У тебя все нормально? – привычно спросил отец перед тем, как расстаться с ним.

– Нормально, – привычно ответил Сережа, не смея взглянуть отцу в глаза.

– Тогда до следующей среды, – сказал отец и, смерив Сережу оценивающим взглядом, выразив одобрение, похлопал его по плечу. – Будут проблемы, звони.

Сережа кивнул и, подняв воротник подаренной сегодня отцом куртки, пошел к остановке. Ему нечего было сказать отцу на прощание. То есть, сказать отцу он мог многое, но именно это-то невысказанное главное попросту лишало смысла все остальное.

Отец не предложил подвезти до дома, возможно, понимая, что каждому из них после таких встреч надо побыть наедине, а, возможно, из чувства ревности, не желая собственно-ручно передавать ребенка матери, с которой он и без того виделся ежедневно.

Подождав, пока машина отца скроется из вида, Сережа закинул за спину пакет со старой вполне добротной курткой и вальяжной походкой пошел по тротуару, прикидывая, где бы лучше сейчас зацепиться. На улице было неуютно, холодный ветер бил в спину, подстегивая к быстрой ходьбе.

Домой идти он не собирался, равно, как и отчитываться в этом перед отцом. У отца были свои страсти, у мамы свои, а ему надо было жить со всем этим. Ему опостытели одинокие осенние вечера. Поначалу он надеялся на чудо, на то, что отец, возможно, вернется. Но чуда не произошло, да и не произойдет уже – понял он. Он понял это умом, а сердце понимать не хотело. Кому он мог сказать об этом? Маме? Она так изменилась после ухода отца. Осознав, что ответственность за сына теперь полностью легла на ее плечи, она больше заботилась о его моральном облике, чем о его душевном состоянии. Зашоренному страхом ее сердцу стали недоступны простые человеческие чувства, оно откликалось только на правильные поступки. Жесткие требования отца – это одно, а ее надоедливые нравоучения вызывали у него лишь чувство беспросветной тоски. Ему хотелось куда-нибудь сбежать от этой правильности, пустоты и безысходности.

Именно это он и собирался сейчас сделать. Друзья были в курсе перемен в его семье. Их подбадривания раздражали, он чувствовал себя ущемленным. Казалось, что каждый понимал это.

Вдобавок ко всему на прошлой неделе на его бедную голову как гром среди ясного неба свалилась со своей любовью Ирка Лисицына, которую одноклассники прозвали Лисой. Эта мечтательная отличница и аккуратистка никогда не вызывала у него особого интереса. Мелькает перед глазами что-то все из себя правильное, и ладно. Но ее страсти-мордасти вызвали в нем полное неприятие этой Татьяны Лариной. Как в эти минуты он понимал бедного Онегина... Возможно, намекни она ему о своих чувствах взглядом, попытайся выгодно подать

себя, он и обратил бы на нее внимание. Но ей же сразу надо с места в карьер. Он попросту не понимал, почему обязан выслушивать высокопарную чушь от этого супового набора на курьих ножках, если ни сама Лиса, ни ее чувства ему были неинтересны. Поэтому мрачно отрезал:

– Отвали, Лиса, без тебя тошно.

Лиса, очевидно, не ожидала такой реакции. К ее крутому папаше все в классе относились с уважением, которое автоматически распространялось на его дочь. Возможно, она и рассчитывала, что ее папаша плюс собственный образцово-показательный облик открывают ей доступ ко всем сердцам. А получился такой облом... Получив от ворот поворот, Лиса приуныла, что не укрылось от бдительного ока их классной дамы Бельской. Из чувства женской солидарности решив поддержать гордость класса, а, может, надеясь, соединив две разнополюсные гордости, получить гордость в квадрате, та начала плести вокруг него тонкую паутину из вопросов и намеков, которую Сережа тоже разорвал.

– Вам деньги платят за то, чтобы вы следили за нашим моральным обликом и успеваемостью, – осадил он ее робкие попытки испытать себя в роли свахи, – вот и следите, а не сводничеством занимаетесь.

По тому, как побледнела Бельская, он понял, что хватил лишку. Вообще-то, Бельская была неплохой теткой. Зря он ее обидел. Но понимал он, что прежним уже не станет, как не будет больше его прежней жизни.

– Серый! – услышал он за спиной знакомый голос и резко повернулся.

Запыхавшийся от быстрой ходьбы Иосиф Кушникович широко улыбнулся Сергею и дружески хлопнул его по плечу. За его дар отображать действительность в виде искрометных рифмованных строк его прозвали Мандельштамом. Проще было – Ося.

– Ты, что, оглох? – спросил Ося, смерив Сережу оценивающим взглядом. – Улетный куртяк! Родаки купили?

Сережа молча кивнул, не желая вдаваться в подробности.

– Ох, Серый, – покачал головой Ося, – мне бы таких, а то ведь никаких нет, – развел он руками.

Иосиф действительно был сиротой и жил в семье родного дяди по матери.

Поговаривали, что, погибшие в автокатастрофе родители Иосифа были людьми образованными с учеными степенями и напечатанными трудами. У одноклассников к Иосифу было двойное отношение. Парень он был неглупый, но его стеб раздражал окружающих. К тому же в отличие от большинства сверстников он был тучным, неаккуратным и постоянно всем завидовал.

Сережа относился к нему лояльно, и Иосиф платил ему той же монетой. Окинув взглядом поношено-истоптанный наряд парня, он заметил:

– Не пойму я твоего опекуна. Такие бабки вбухал в твое обучение, а шмотки приличные купить не удосужился.

– Что ему шмотки? – отмахнулся Иосиф. – Он вкладывает деньги в то, с чего можно поиметь выгоду.

– Ну и какую выгоду можно с тебя поиметь? – насмешливо спросил Сережа и, приподняв пакет, добавил:– Я бы тебе свою дал, так ты ж в нее не влезешь.

– Не беда, обменять можно, – оживился Иосиф. – Было бы что.

– Дарю, – Сережа протянул парню пакет с курткой. – От чистого сердца.

– Куда топаешь? – взяв пакет, Иосиф даже не стал в него заглядывать.

Сережа пожал плечами.

– Не знаю. С отцом только что встречался, – ответил он.

Ему вдруг захотелось избавиться от гнетущего чувства тоски.

– Значит, правду говорили, что он ушел от вас, – с пониманием кивнул Иосиф, и при этом лицо его стало серьезным. – Я как-то видел их вместе. Красивая.

Сережу задело.

– Умешь ты поддержать человека, – мрачно отрезал он.

– Брось, ... – добродушно ответил Иосиф. – Если бы я сказал, что твоя мать моложе и красивее, ты бы меня зауважал? Да и толку от той красоты, как от козла молока. Не один уже объелся, потом с голодухи к женам бегут. Помяни мое слово, с твоим так же будет.

Сережа пронзил Иосифа испытующим взглядом, но, не уловив в его глазах скрытой насмешки, успокоился.

– Ты-то, откуда знаешь? Тоже мне, оракул...

Иосиф прищурил глаза и, глядя куда-то вдаль, словно не слыша вопроса, задумчиво произнес:

– Как ни крути, как ни верти, страдать и плакать всем случается,

Хороших дней, ненастных дней наполовину получается.

Гримасничая и спеша, жизнь мчится черно-белой всадницей,

Как человек – в нем есть душа, но есть и, извините, задница.

Какое-то время он думал о чем-то своем, потом перевел на Сережу живой взгляд и подмигнул ему.

– Пойдем к Буру, – предложил он, хлопнув Сережу по спине. – Родаки его к деду с бабкой укатили, вот уж у кого полный отстой. Он сегодня оторваться решил, меня приглашал.

Сережа пошел вместе с Иосифом вовсе не потому, что согласился принять его предложение, просто стоять было холодно. С Витькой Буровым, которого все называли Буром, они были слишком разными. Бурова не любили ни одноклассники, ни учителя. Все понимали, что он случайный человек в лицее, непонятно по чьему недосмотру попавший туда и непонятно что делавший там. Бур был человеком недалеким, к учебе относился наплевательски, болезненно реагировал на каждое замечание и был первым кандидатом на вылет. Возможно, одной из причин такого поведения было то, что Бур был из неблагополучной семьи. Говорили, что отец его в прошлом занимал ответственную должность в одной из силовых структур, но спился, вследствие чего был оттуда с позором изгнан. Сережа не придавал этому особого значения, считая, что каждый сам выбирает свой путь. Пожалуй, только Иосиф поддерживал с Буром тесные отношения.

– Слушай, что у вас с ним общего? – с недоумением спросил Сережа.

Иосиф пожал плечами.

– У нас с ним общее положение – безотцовщина.

– Да уж, вот что действительно сближает, – с иронией заметил Сережа.

– Кроме того, он единственный среди нас живой человек, – игнорируя Сережин тон, продолжал Иосиф.

– А остальные, кто?

– Выгодные вложения своих родителей, – так же просто ответил Иосиф. – Только те об этом говорят по-другому – наша достойная смена, надежда и опора.

– И что же в этом плохого?

– Они ориентируют своих детей на успешную жизнь, – серьезно продолжал Иосиф. – А общество успешных людей изживает слабых.

– Сильный человек должен идти своей дорогой, тогда слабый будет следовать его примеру.

Иосиф печально ухмыльнулся.

– Но человек ведь не запрограммированная машина, он может устать, споткнуться, вследствие чего стать слабым.

– Рано или поздно он вновь обретет силу. Главное – у него есть цель в жизни, есть стремление достичь ее.

– Какая же цель у тебя? – пронзив Сережу острым взглядом, спросил Иосиф.

Этот, казалось бы, простой вопрос выбил у него почву из-под ног. Но Иосиф не думал отступать.

– Может, скажешь, какая цель у твоего отца?

И на этот вопрос ответа не последовало.

– То-то же, – все с тем же спокойствием резюмировал Иосиф, и сам ответил, —

– главное в жизни, прежде всего, в любой ситуации оставаться человеком.

Сережа молчал, собираясь с мыслями. Несмотря на то что он был согласен с Иосифом, что-то в облике Бура вызывало в нем чувство протеста.

– Да Бур простой, как дважды два, и озлоблен на всех.

– Жизнь не такая уж сложная штука, – заметил Иосиф. – А озлобленность бывает от непонимания. Каждый человек сам по себе что-то представляет. Постарайся по достоинству оценить это и обретешь надежного друга.

Сережа улыбнулся и покачал головой.

– Умеешь ты запудрить мозги. Ладно, пойдем. Не думаю, что он мне обрадуется.

– Он дома нормальный чувак. И телки классные будут. Или ты глаз на Лису положил?

Сережа улыбнулся, поражаясь тому, как быстро все тайное становится явным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.